

ЗОЛОТОЙ ФОНД
ЭЗОТЕРИКИ

КОНКОРДИЯ АНТАРОВА

ДВЕ ЖИЗНИ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ЧАСТЬ III

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Антарова, Конкордия Евгеньевна.

А72 Две жизни. Часть III / Конкордия Антарова. — Москва : Эксмо, 2023. — 544 с. — (Золотой фонд эзотерики).

ISBN 978-5-04-095384-4

Каждый том этого романа можно рассматривать как самостоятельное произведение. В этом романе есть все — захватывающий сюжет, интрига, мелодрама, мистика, борьба добра и зла, черные маги, погони и преследования. Но помимо всего тут есть нечто, что превращает его в подлинный источник духовной мудрости Востока, а именно — изложение основ философско-эзотерических знаний и психологических закономерностей духовного развития человека.

Данная книга — своеобразная энциклопедия семейной жизни, правдивые жизненные примеры которой показывают самые распространенные ошибки и заблуждения людей в построении семейных отношений.

Третья часть романа К. Антаровой переносит его персонажей в Индию. Там, в общине одного из Великих Учителей Востока, главного героя ждут новые приключения и новые уроки мудрости. Он встречает там новых друзей и борется с новыми врагами; узнаёт отдельные тайны своих прошлых жизней и готовится к новым духовным задачам и испытаниям. И вновь страницы мистического бестселлера Антаровой восхищают читателя глубокой и жизненной мудростью Востока, необходимой каждому, кто стремится к духовному познанию и к тому, чтобы идти в ногу со временем.

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Миланова А., комментарии, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2023

ISBN 978-5-04-095384-4

Содержание

Глава 1.	ПРИЕЗД В ИМЕНИЕ АЛИ. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ВСТРЕЧИ	7
Глава 2.	ВТОРОЙ ДЕНЬ В ОБЩИНЕ. МЫ НАВЕЩАЕМ КАРЛИКА. ПОДАРКИ АРАБА. ФРАНЦИСК	48
Глава 3.	ПРОСТОЙ ДЕНЬ ФРАНЦИСКА. ЗЛЫЕ КАРЛИКИ.	92
Глава 4.	ЗНАКОМСТВО С ДРУГИМИ ДОМАМИ ОБЩИНЫ. ОРАНЖЕВЫЙ ДОМИК И ЕГО ОБИТАТЕЛИ	113
Глава 5.	МОЁ СЧАСТЬЕ НОВОГО ЗНАНИЯ И ТРИ ВСТРЕЧИ В НЁМ	155
Глава 6.	ФРАНЦИСК И КАРЛИКИ. МОЁ НОВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЕЩАМ И ЛЮДЯМ.	181
Глава 7.	ЗАПИСНАЯ КНИЖКА МОЕГО БРАТА	200
Глава 8.	ОБЫЧНАЯ НОЧЬ ОБЩИНЫ. ВТОРАЯ ЗАПИСЬ НИКОЛАЯ. БЕСЕДА С ФРАНЦИСКОМ И ЕГО ПИСЬМА.	220
Глава 9.	ТРЕТЬЯ ЗАПИСЬ БРАТА НИКОЛАЯ	243
Глава 10.	НОЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ НОВЫХ МЕСТ ОБЩИНЫ. НОВЫЕ ЛЮДИ И МОИ НОВЫЕ ВСТРЕЧИ-УРОКИ.	272
Глава 11.	ИЛЛОФИЛЛИОН ПРИНИМАЕТ УЧЁНОГО. АННИНОВ И БЕАТА СКАЛЬРАДИ. НАСТАВЛЕНИЕ МНЕ И БРОНСКОМУ.	305
Глава 12.	МЫ ЧИТАЕМ КНИГУ В КОМНАТЕ АЛИ. ДРЕВНЯЯ СКАЗКА	343

Глава 13. БЕСЕДА С ИЛЛОФИЛЛИОНОМ. ПРОДОЛЖЕНИЕ СКАЗКИ. ОТЪЕЗД БЕАТЫ И ПОСЛЕДНЕЕ НАПУТСТВИЕ ЕЙ	374
Глава 14. МОИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВОЙ ЖИЗНИ БЕАТЫ. МЫ ЗАКАНЧИВАЕМ ЧТЕНИЕ МУДРОЙ КНИГИ. ПРОФЕССОР ЗАЛЬЦМАН.	411
Глава 15. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ НОВОЙ ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА. СЦЕНЫ ИЗ ЕГО ПРОШЛЫХ ЖИЗНЕЙ. ФРАНЦИСК И ВНОВЬ КАРЛИКИ	444
Глава 16. НАШ ОТЪЕЗД ИЗ ОБЩИНЫ. ВСТРЕЧИ В ОАЗИСЕ. ПРОЩАНИЕ ИЛЛОФИЛЛИОНА С ПРОФЕССОРОМ	479
КОММЕНТАРИИ К ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ РОМАНА К.Е. АНТАРОВОЙ «ДВЕ ЖИЗНИ»	512

Глава 1

ПРИЕЗД В ИМЕНИЕ АЛИ. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ВСТРЕЧИ

Долго, очень долго странствовали мы с Иллофиллионом, прежде чем добрались до Индии. Иллофиллион часто делал длительные остановки, желая не только дать мне отдых, но и предоставить все возможности понаблюдать жизнь разных народов, посмотреть их нравы и обычаи.

Посещая разные страны, он отчасти руководствовался своими делами, но чаще всего стремился расширить «мои университеты». Так, когда мы посетили Багдад, Иллофиллион, смеясь, уверял меня, что мне необходимо понять прелесть реального Багдада, а не судить о нём только по сказкам и вкусным пирожным.

Наше путешествие, длившееся несколько месяцев, благодаря ежедневному влиянию и заботам Иллофиллиона не только укрепило моё здоровье, но и изменило мой характер. Я почти перестал быть «Лёвушкой — лови ворон», внимание моё стало дисциплинированным, и — сам не знаю, как это произошло, — я перестал впадать в раздражение.

Рассказать обо всех чудесах, которые довелось мне видеть, так же невозможно, как в одной статуе отразить жизнь целой эпохи какого-либо народа. Могу сказать только, что, как ни готовил меня Иллофиллион к тому, что я увижу в Индии, она меня поразила сильнее всех чудес, которые пришлось увидеть за всё наше долгое путешествие. Я знал, что мы едем к подножию Гималаев; знал, что имение Али расположено в прекрасной и живописной долине — но я и вообразить не мог, в какую волшебную красоту мы попадём.

Судя по тем домикам друзей Иллофиллиона, в которых мы останавливались, я ожидал и в имении Али увидеть такой же маленький, чистенький коттедж, снабжённый единственным очагом и необходимой для жизни утварью. Но, как и во многом другом, я ошибся. Дом в имении Али оказался прекрасным, выстроенным из белого, похожего на мрамор камня, с многочисленными колоннами, с изолированными комнатами.

Нас с Иллофиллионом ждали на верхнем этаже две чудесные комнаты с балконами. И когда я вышел на свой балкон, открывшийся с него вид так меня поразило, что я всё забыл и, превратившись в прежнего Лёвушку, «ловиворонил» до тех пор, пока солнце не закатилось за горы. А я всё стоял, забыв обо всём.

Меня привела в себя мягко опустившаяся мне на плечо рука Иллофиллиона. Ах, как он был прекрасен! Я ещё никогда не видел его столь красивым, каким он стоял сейчас передо мной. Он был в хитоне оранжевого цвета; волосы его слегка отросли и ниспадали короткими локонами, а топазовые глаза могли поспорить с глазами-звёздами Ананды.

Я хотел воскликнуть: «Как вы прекрасны, Иллофиллион!» — но не мог выговорить ни слова. В первый раз я почувствовал, насколько возвышен духовно мой дорогой друг, насколько его душа выше всего обычного, человеческого. Чувство благоговения, благодарности за всё, что он для меня сделал, и преданности ему захватили меня. Я молча смотрел на него. Он понял мои чувства и, ласково улыбаясь, сказал мне:

— Я не тревожил тебя, Лёвушка, потому что знал, как действует на человека этот дом и этот вид из него, когда его видят впервые. Но сейчас наступит вечер, который здесь настанет очень быстро. Мы должны вовремя успеть к ужину. Пойдём, я покажу тебе, где ванна и душ, познакомлю тебя с управляющим домом и со слугой, который будет у нас с тобой общим. Ты можешь надеть индусскую одежду, которую здесь носят все, или остаться одетым по-европейски, если тебе так больше нравится. Но являться к трапезам без опозданий — это единственное правило, соблюдаемое всеми

с большой точностью. Не беспокойся, ты успеешь, — улыбнулся Иллофиллион, прочтя на моём лице опасение опоздать.

Мы прошли к управляющему домом, одетому также в белую индусскую одежду и, судя по его лицу, бывшему типичным местным жителем. Он был красив, ещё молод, тонок и гибок. У него было продолговатое лицо, тёмное от загара, тёмная борода-эспаньолка, тёмные глаза и белый тюрбан на голове. На моё приветствие он ответил по-английски, но с сильным акцентом и певуче. Голос его был мелодичен и мягок; взгляд добрый, но пристальный и внимательный, как будто он старался меня запомнить, что-то во мне изучить и понять. Но мне некогда было об этом раздумывать, я запомнил только, что звали его Кастанда. Меня очень удивило это имя, но тут же я вспомнил о ванной и помчался туда с одной мыльсю: скорее вернуться к Иллофиллиону.

Меня ждали сюрприз за сюрпризом. Я думал увидеть какую-нибудь самодельную душевую, вроде тех, что встречались нам по пути. Чаще всего это было просто огороженное в саду место с душем из нагретой солнцем воды. А попал в отличную ванную комнату с полом и стенами из плитки, с неограниченным количеством горячей и холодной воды, подаваемой из водопроводных кранов. К довершению моего удивления, не успел я начать мыться, как в ванную комнату вошёл слуга-китаец. Добродушно улыбаясь, он заявил, что прислан Кастандой помочь мне. Не дав мне опомниться, он окатил меня из какого-то кувшина чем-то тёплым, оказавшимся жидким душистым мылом. В мгновение ока он растёр меня всего мягкой мочалкой и подвёл под душ, так что мне оставалось только наслаждаться.

— Садитесь теперь в ванну, мсье Леон, — услышал я сказанное им по-французски. Я готов был ко всему. Но услышав от китайца, который только что объяснялся со мной на плохом английском, французскую речь, я не выдержал и расхохотался во весь голос.

Бросившись в прекрасную каменную ванну, из такого же белого камня, как и весь дом, я продолжал смеяться.

— Вот и Али-молодой говорила, что мсье Леон очень весёлая особа, — снова услышал я голос слуги.

— Разве вы знаете Али-молодого? — удивился я.

— Как же не знать? Я вырастил Али-молодого. Он и послал меня сюда для вас и брата Иллофиллиона. И сам он приедет сюда. Тогда у меня будет три господина, — преуморительно коверкая слова, отвечал слуга.

Выскочить из ванны, вытереться и одеться в костюм, уже приготовленный мне, было делом одной минуты. Сердечно поблагодарив китайца за помощь, я спросил, как его имя. Он немного замялся и ответил:

— Как имя — это другое дело. Вы зовите меня Ясса — так зовёт меня Али-молодой и зовут все здесь.

— Я буду звать вас Ясса, но с тем условием, чтобы и вы звали меня просто Лёвушка, как меня зовёт Али-молодой и как будут звать все здесь.

Китаец рассмеялся и сказал:

— Будет так, если Иллофиллион велит.

— Велит, велит, можете быть уверены.

Я бросился было бежать к Иллофиллиону, но сначала понёсся в совершенно противоположную сторону, и только с помощью всё того же Яссы нашёл Иллофиллиона в его комнате, где он беседовал с Кастандой.

— Я не опоздал, Иллофиллион? — весело воскликнул я, вбегая в комнату.

— Ещё только через четверть часа будет гонг к ужину, — ответил мне Кастанда. — Не удивляйтесь, пожалуйста, если ваш и Иллофиллиона приборы будут украшены цветами. Али Мохаммед, наш дорогой хозяин, предупредил нас о приезде его друзей. И каждый из живущих здесь сейчас пожелал выразить чем-нибудь свой привет вновь прибывшим гостям. Сам же Али-старший приветствует вас подарками, которые вы также найдёте на своих приборах.

Кастанда нас покинул, и Иллофиллион сказал мне:

— В столовой, как и здесь, царит простота, Лёвушка. Но это не значит, что человек лишён комфорта. Сейчас у тебя ослеплены глаза. Ты рассеян и не знаешь, куда и на что смотреть. Завтра ты лучше рассмотришь всё, что тебя окружает. Мы пойдём сейчас ужинать, не смущайся большим количеством незнакомых тебе людей. Ты встретишь и немало женщин.

У меня сжалось сердце. Точно живая, пронеслась перед моими глазами Анна. О, как остро я почувствовал её горе в эту минуту! Она могла быть здесь с нами. Ананда сам мог привезти её сюда, и вот одно мгновение сомнений и ревности — и всё пропало.

— Анна не безвозвратно отошла, — тихо и ласково сказал мне Иллофиллион. — Она укрепитя и тоже будет здесь. Бури ревнивых сил не вспыхнут в ней больше. Но здесь она окажется только тогда, когда сюда приедет и дочь Али — Наль, со своим мужем, твоим братом. К этому времени Али сам привезёт сюда Анну. Не печалься о ней. Помогай ей мыслями радостной любви. Посылай ей утром и вечером помощь мыслями бодрости и мужества. Ничем более активным ты в данную минуту ей помочь не можешь. Но ты не думай, что этого мало. Это очень большая помощь. Ежедневная радостная мысль о человеке подобна молниеносной постройке рельсов для моста, на котором можно научиться встречаться мыслями с тем человеком, о котором будешь радостно, чисто и постоянно думать.

Ударил гонг. Иллофиллион, как всегда угадавший моё смущение, взял меня под руку, и мы сошли вниз.

Было уже почти темно, но тем не менее всё ещё очень жарко. Зал, называвшийся столовой, был ярко освещён электричеством, к моему удивлению. Несколько дверей в нём были настежь открыты, окна были завешены мокрой кисеей, и под потолком вращались десятки огромных вееров, создававших прохладный ветерок. Но всё же было душно.

Я понял, насколько я окреп. Раньше я не смог бы вынести ни минуты такой жары. Перед этой жарой духота Константинополя казалась шуткой. Несколько месяцев тому назад я немедленно упал бы в обморок, а сейчас мне было просто душно. Мой индусский костюм и сандалии на босу ногу очень мне помогали.

Мы вошли одними из первых. Кастанда сейчас же подошёл к нам и проводил к нашим местам. Они оказались за крайним столом, на котором было много приборов, как и на других столах. Многие из входивших приветствовали Иллофиллиона как старого знакомого. Некоторые кланялись нам

обоим издали как вновь прибывшим друзьям. Здесь все, очевидно, были знакомы друг с другом и никто никого не стеснялся.

Когда все заняли места за столами, на каждый стол стали подавать кушанья очень своеобразным порядком. На небольших, очень пропорциональных и красивых столиках, которые катили слуги, стояли тарелки и блюда, и каждый брал себе то, что хотел и сколько хотел. Такие катящиеся столики свободно проходили между обеденными столами. Наш стол был крайним к окнам, и тележка прикатила к нам со стороны окна.

Иллофиллион предложил мне выбрать блюда для себя и для него, а я не мог решить, что и как здесь едят. Заметив на одном из блюд салат из помидоров, на другом картофель, а на третьем — цветную капусту, я принялся накладывать их на тарелку Иллофиллиона, как вдруг увидел ещё на одном блюде чудесную дыню. Вспомнив, что «мудрец без дыни невозможен», я уже хотел положить на тарелку и дыню, но Иллофиллион, смеясь, сказал:

— Тележка-стол, Лёвушка, опять приедет, как только мы с тобой справимся с овощами. Обрати лучше внимание на цветы, которые стоят перед тобой, и ещё на кое-что. Быть может, привет Али тебя тронет.

Я стал рассматривать цветы и увидел, что передо мной в высокой зелёной вазе стояла белая лилия. Очевидно, у Али и здесь были оранжереи. Но я положительно не мог ни на чём сосредоточиться. Сколько передо мной было лиц — мужских, женских, молодых, средних и старых, — и каких лиц! Мне хотелось их хотя бы вскользь рассмотреть, но каждое лицо, на котором останавливался мой взгляд, казалось мне замечательным, и я с трудом отрывал взгляд от него.

— Нет, Лёвушка, и не пытайся сразу разглядеть всё и всех, — услышал я смеющийся голос Иллофиллиона. — Здесь более ста человек, ты с ними познакомишься постепенно. Приступай к ужину, обрати внимание на свой прибор и сосчитай хотя бы тех, кто сидит с нами за одним столом.

Я вздохнул, ещё раз осознав, как далеко мне до Иллофиллиона, который мог видеть одновременно сотню людей

и в несколько минут понять сущность каждого из них; мог каждому сказать именно то, что ему нужно, и поддержать в каждом энергию одним словом или взглядом.

Меня уже не поражали эти способности Иллофиллиона. Я их достаточно видел и у Флорентийца, и у Ананды. Что-то удивляло меня в этих людях, наполнивших зал. За последнее время я видел немало больших скоплений людей. Но в этом зале было что-то особенное, чего я ещё нигде не наблюдал. И это «что-то» относилось не к внешнему своеобразию самого зала, а людям, собравшимся в нем. Оно относилось к их внутренней сущности, к не бросающейся в глаза, но остро чувствовавшейся в них духовной культуре. Я воспринимал сейчас эту толпу людей совершенно по-другому. Здесь нельзя было себе представить, что вдруг в каком-либо углу зала прозвучит резкий выкрик, саркастический смех, злобная фраза...

Иллофиллион снова отвлек моё внимание и заставил меня есть, говоря, что тележка придет скоро снова, а я отстаю. Я стал есть, не сознавая, что именно я ем; внезапно мой взгляд упал на салфетку — и я просто обомлел. На моей салфетке было чудесное золотое кольцо с именем Али, выложенным из мелких зелёных камней и белых жемчужин.

— Ведь я говорил тебе, посмотри на свой прибор, — сказал мне Иллофиллион, снова улыбнувшись моей невероятной рассеянности.

Я захотел узнать, какое кольцо у Иллофиллиона... И ещё раз поразился. На его салфетке было кольцо из простого белого дерева, на котором белыми кораллами была выложена надпись: «Али». Дальше шла надпись на неизвестном мне языке.

— Когда я ехал с Флорентийцем из К., — сказал я Иллофиллиону, — я не понимал ни слова из того, о чём он говорил с туземцами. Я был тогда всё время раздражён и расстроен. Тогда же я дал себе слово изучить этот язык, непонимание которого доводило меня до иступления. Я ничего ещё не сделал, чтобы выполнить свой первый обет. Тем не менее я даю второй обет: узнать язык, на котором сделана надпись на вашем кольце, Иллофиллион. Я потерял способность раз-

дражаться, и меня теперь не угнетает моё невежество. Пожалуй, в моём теперешнем самообладании я ещё яснее вижу мою невежественность. Поможете ли вы мне, Иллофиллион, выполнить мои два обета?

— Охотно, друг. Только, пожалуйста, не давай больше скоропалительных обетов, а то, пожалуй, тебе придётся прожить здесь, в Общине Али, многие годы. А я привез тебя сюда только на короткий срок, чтобы ты мог подготовиться здесь к дальнейшей жизни рядом с Флорентийцем.

— Община Али? — совершенно изумлённый, спросил я.

— Да, но всё это я расскажу тебе потом. Сейчас кушай, смотри, отвечай на вопросы, хотя, думаю, никто ни о чём тебе не спросит.

Так, прислушиваясь к разговорам за нашим столом, я стал внимательно рассматривать своих ближайших соседей. Я прикоснулся к цветам возле моего прибора и вдруг увидел среди них два небольших конверта. На каждом из них стояло моё имя. Я сразу узнал крупный, чёткий почерк Али-старшего и не менее чёткий, но гораздо более мелкий и женственный почерк Али-молодого.

Вместе с огромной радостью на меня нахлынула целая туча воспоминаний. Я вновь переживал пир у Али, разлуку с братом, встречу с Флорентийцем и отдельные эпизоды путешествия с ним. Любовь к брату была всё такой же сильной в моём сердце, но сейчас в моей памяти преобладающей нотой звучала не скорбь о разлуке с ним, а радость за него, радость, что он счастлив, в безопасности и живёт подле Флорентийца. Я думал об Али-старшем с огромной благодарностью не только за то, что сейчас сидел под его кровом, но и за то, как много он сделал для брата, как, в сущности, оба мы были обязаны ему всем.

И вдруг я снова ощутил знакомое мне содрогание во всём организме. Мне показалось, что я вижу Али стоящим у круглого окна вдали. Вижу его прожигающие очи и слышу его сильный голос и чёткую речь:

— Учись, Лёвушка. Первой задачей стоит перед тобой полное самообладание, второй — бесстрашие и третьей — такт. Приобретя эти качества, можешь снова выйти в мир для тру-

да и служения людям. Иллофиллион поможет тебе, и я приму тебя в круг моих сотрудников.

Али исчез; мне показалось, что в комнате стало значительно темнее. Я опомнился потому, что Иллофиллион заботливо помогал мне встать со стула. Я давно не впадал в болезненное состояние иллюзорных видений, считал себя совсем выздоровевшим от них и сейчас совершенно расстроился, поняв, что я ещё недостаточно окреп.

Все вставали со своих мест, очевидно, ужин был окончен. Повинуясь руке Иллофиллиона, я также встал с места и увидел перед собой Кастанду.

— Вы, вероятно, очень устали от дороги и жары, Лёвушка, я пришлю вам ваши цветы на балкон. А письма вы, конечно, захотите взять с собой сейчас же, — подавая мне письма, сказал Кастанда.

Я поблагодарил, взял оба письма, хотел взять и кольцо, но Иллофиллион сказал, что кольцо мы рассмотрим завтра при дневном свете. Он познакомил меня с некоторыми из подходящих к нему друзей. Но я был как в тумане и едва различал лица, за минуту казавшиеся мне такими значительными. Мы вышли в сад. Я в первый раз мог наблюдать яркое небо на громадном просторе, но сил у меня было так мало, что я попросил Иллофиллиона сесть на первую попавшуюся нам скамью. Я приник к Иллофиллиону. От него бежала ко мне живительная энергия. Я постепенно успокоился и почувствовал, что сердце моё бьётся ровно. Я сказал, что хочу пойти к себе и прочесть письма обоим Али.

— Скоро, гораздо скорее, чем ты думаешь, Лёвушка, ты научишься владеть собою и будешь слышать речь своих друзей на огромном расстоянии без всякого напряжения, — ласково говорил Иллофиллион, провожая меня домой.

Из всего окружающего меня сейчас я мог только в одном дать себе отчёт: тишина ночи отвечала тишине во мне. По дорожкам сада двигались тёмные тени группами, парами, в одиночку. И снова, сталкиваясь с людьми, шедшими нам навстречу, я чувствовал — как и в обеденном зале, — что от них исходит искреннее доброжелательство. В чём оно выражалось и как я мог его ощущать, я не знал. Но был опреде-

лённо уверен, что здесь никто меня не осуждает, не разбирает по статьям, а очень просто и любовно принимает в своё общество.

Иллофиллион вёл меня какими-то дальними путями, я понял, что он хотел мне дать возможность полностью прийти в себя. Мне стало вдруг даже смешно: неужели Иллофиллион думает, что я прежний Лёвушка, что в какой-либо щели моего существа могло засесть раздражение?

— Мой дорогой Иллофиллион, я уже давно способен читать мои письма; голова моя в полном порядке. Неужели вы можете предполагать, что я сегодня был раздражён? Я уже забыл, как это делается, — весело заглянул я в лицо Иллофиллиону при ярко горевших звёздах.

— Я знаю, что для тебя стало невозможным раздражаться, Лёвушка, и если я так долго вожу тебя по саду, то только для того, чтобы в первую же ночь, как ты войдёшь в здешний дом Али, ты был в полном равновесии сил и чувств. Мы в Общине Али. Каждый из нас, придя сюда, уже прошёл крестный путь жизни. Но не каждый прошедший его мог дойти до этого дома. Здесь ты увидишь только тех, кто просветлён в своём страдании, кто понял, принял и благословил свои жизненные обстоятельства, кто захотел жить, служа человечеству, думая об общем благе. Входя сегодня в этот дом, подумай, мой дорогой мальчик, обо всех, кого ты оставил в Константинополе. Обо всех, кто сейчас вместе с Анандой и Флорентийцем, а также вспомни сэра Уоми и всех, кто с нами был рядом и ушёл утешённым и обрадованным. Оба Али будут говорить с тобою в письмах; благослови день встречи с ними. Сбрось всю тяжесть прежней скорби и недоразумений с себя. Войди под новый кров Али свободным, лёгким и радостным. Не думай, что сулит тебе *завтра*. Но заверши своё *сегодня* такой полнотой чувств, чтобы весь твой организм смог воспринять слова, которые посылает тебе в письме Али-старший.

Мы вошли в дом, поднялись к себе, и я простился с Иллофиллионом, чтобы наедине прочесть письмо Али, чудесное лицо которого я так недавно видел глядящим на меня из эфира в круглом окне.

«Друг, брат и милый сын!

Нет расстояния и условного разъединения для тех, чьё сердце горит неугасимой любовью. Нет смерти для тех, чьё сознание раскрыло человеку его живую Вечность, которую он в себе носит. ✨

Сегодня ты вступил в мой дом на Востоке. Вступай в него не гостем, не другом, но равноправным членом моей семьи. Все, кого ты там встретишь, — все твои братья и сёстры, идущие путём труда и совершенствования.

Тебе дано больше, чем многим из них. Ты обладаешь силой видеть и слышать в любую минуту и меня, и Флорентийца, и Ананду, и сэра Уоми. Иллофиллион поведёт тебя к высшей ступени знания, помогая развитию твоих психических сил. Ты будешь владеть духовными силами в себе самом и вовне.

Что нужно от тебя, чтобы этот процесс шёл успешно и раскрыл в тебе все силы творческого духа?

Нужна твоя верность. Что такое верность ученика своему Учителю? Это единение вечное с его трудом и путями. Если ты сможешь проявить героическое напряжение своих сил и мыслей, ты сольёшься со светлым пламенем творчества твоих Учителей. И Вечность раскроет в тебе все твои таланты. Но верность твоя — единственный ключ ко всему знанию.

Живи легко, бесстрашно и свободно. Кто не сумеет так проходить свой день, для тех истинное знание окажется закрытым, хотя бы они даже переступили порог Общины. Можно жить среди совершенных людей — и всё же видеть только их внешние манеры. Можно жить среди таких же, как ты сам, несовершенных, но стремящихся к совершенству людей, и видеть в них каплю великого огня Вечности. И тогда ты будешь стремиться не омрачить ничем этой капли огня в другом человеке, а принести ей помощь, чтобы она могла легче и проще, выше и веселее превращаться из капли в светлый костёр. Повторяю, ключ к такому пути ни Община, ни люди, ни природа с её красотой никому не предоставят. Ключ — в тебе самом, в твоей верности.

Нет никаких «особых» знаний, которые раскрываются человеку с помощью упорства воли, в каких-то избранных

местах, по особым ритуалам. Такими делами занимаются только тёмные оккультисты. Знания их, приобретённые этим путём, ничтожны, в чём ты уже имел возможность убедиться. Но соблазн, который они вносят в мир, и язвы, которые они оставляют в сердцах, страшны и разрушительны среди людей невежественных. Действуя на эгоистические страсти, тёмные оккультисты вербуют себе войско, разрушая в людях стремление к добру своим тяжёлым гипнозом.

Та Община, где ты сейчас живёшь, — это спасительная сеть, где воспитываются бойцы для борьбы со злом, с тёмными силами, с разжигающими страстями. Здесь закаляются сердца тех, кто хочет жить для общего блага, ради мира и радости людей.

Знание — двигатель жизни, и радость — масло для него. С той минуты, как ты вошёл под кров моей Общины, осознай новый порядок вещей и пойми в нём новый подарок, который тебе дала Великая Жизнь.

Перед тобой период в целых семь лет абсолютной раскрепощённости от всех забот практической жизни. В полной освобождённости от бытовых тягот осознай свою величайшую внутреннюю свободу. Осознай, что твоё Я, освобождённое от страстей, может сдвигать горы, если верность твоя непоколебима до конца и никакие сомнения и страхи не могут пробить в ней бреши.

Прими, друг, бодрое пожатие моей руки и иди по жизни в простой доброте. Как только доброта твоя станет ежедневным, привычным двигателем твоей жизни — ты каждую встречу сумеешь начать и закончить в радости и мире.

Верь мне — все, чего должен достичь человек при встречах — это начать и закончить *каждую* из них в мире, милосердии и доброте.

Время — те семь лет, о которых я упомянул и которые кажутся тебе сейчас целой вечностью, — промелькнёт, как одно мгновение. И, покидая гостеприимный кров Общины, ты будешь сам себя уверять, что ещё не чувствуешь себя в силах идти в самостоятельную жизнь, чтобы строить людям пути к общему благу и миру.

Но... для каждого приходит *его* собственный момент готовности, *его* момент творчества, *его* момент развития и действия героических сил.

Кто слишком спешит — не достигает. Кто отстаёт и медлит — находит смерть. Мужайся, друг. Ты хорошо начал свой путь — продолжай его так же. Если в минуту разлада ты будешь нуждаться в моей помощи, сосредоточенно и уверенно думай обо мне, произноси имя моё, и я отвечу тебе немедленно.

Прими мой привет и пожелание мира,
твой друг Али Мохаммед».

Я потушил лампу, взял в руки письмо и вышел на балкон. Ночь, тихая, тёмная, с небом, усеянным звёздами, окружала меня. Огромные пальмы едва вырисовывались в темноте волшебными контурами. Неведомые мне звуки этой ночи, какие-то шорохи, точно вздохи, очень отдалённый звук свирели, аромат роз и гвоздик... Всё слилось в какое-то кольцо ещё неведомых мне чувств спокойствия и блаженства. Гармония, царившая в этой ночи, захватила меня. Я перестал чувствовать себя отдельным существом и ощущал всеобщую радость бытия, счастье жить в этом очаровании Вселенной, живой частью которой я себя сознавал.

Прижав письмо к губам, я благодарил Али за все его благодеяния мне и моему брату. Я прочёл письмо ещё раз, не глазами и умом, но сердцем. Любовь моя к Али полилась горячей волной, раскрывая мне великую мощь его духа. Я увидел ещё один аспект, аспект любви, в образе моего великого друга. И я захотел приблизиться к знанию, чтобы приблизиться к нему. Я так долго простоял на балконе, что звёзды стали меркнуть, восток зарозовел. Я вспомнил о письме Али-молодого и поспешил в комнату. Волшебная картина пробуждающейся жизни заставила меня отдернуть занавеси. Я распахнул одно за другим все окна настежь и стал наблюдать, как из-за горного хребта выплывала красная полоса, становясь всё шире и ярче. Внезапно выскочил краешек солнца, и я едва удержал крик восторга. Весь горный хребет с белыми вершинами, залитый розовым светом, открывался

на дальнем горизонте. И до самого хребта тянулась широчайшая долина с живописными селениями, переплетающимися садами, полянами и лесами. Я только тогда отошёл от окна, когда увидел садовников, выходивших из дальних построек Общины.

Одновременно начиналась жизнь во многих местах всего дома. Я видел одетых в белое людей, идущих с мохнатыми полотенцами на плечах купаться к горной речке.

Сев в кресло, я стал читать второе письмо.

«Мой дорогой Лёвушка, мой милый брат», — писал своим мелким и необычайно красивым почерком молодой Али. Глядя на этот характерный почерк, я особенно ярко представил себе Али. Я вспомнил его в первые минуты встречи, когда он, не видя нас с братом, высаживал из коляски ворчливую тётку и украдкой улыбался Наль. Я вспомнил его и в ту минуту, когда Наль подала цветок брату Николаю... Я словно вновь увидел его в индусской одежде на даче у дяди Али. Как должен был тогда страдать этот утончённый юноша, буквы почерка которого ложились ровной лентой, как гармонично сплетённое кружево. Какая стойкость воли и любви должна была жить в этом гармоничном существе, чтобы после смертельного удара вновь жить полной жизнью, улыбаться и радоваться. Сейчас для меня было ясно, что именно в тот момент, когда Наль подала цветок не ему, а брату Николаю, Али-молодой умер. Умер беззаботный, влюблённый Али; умер жених, мечтавший о любви и создании семьи, и остался жить новый человек, воин, строитель жизни, уже навек забывший о себе возле Али-старшего.

Я не спрашивал себя сейчас: «Зачем столько страданий в мире?» Я знал теперь, зачем они; знал, что через них люди приходят к Знанию и на препятствиях растут и закаляются. Я снова стал читать письмо.

«Передо мной мелькают картины твоей тревожной жизни последних месяцев. Не раз сжималось моё сердце за все твои муки, и я хотел бы поменяться с тобой ролями и взять на себя твой подвиг, предоставив тебе спокойную жизнь возле дяди Али. Но... путь жизни ни себе, ни другому не выберешь. Этот путь стелется там и так, как судьба его создаёт.

В письме не передашь всего, что хотелось бы излить из сердца. Да и слова наши малы для того огромного, чем я хотел бы поделиться с тобой. Одно мне необходимо тебе сказать: не печалься ни обо мне, ни о твоём брате.

Видишь ли, цель жизни на земле — духовное освобождение посредством труда. Но мы так созданы, что, приходя на землю, приносим и растим в себе огромное количество страстей и предрассудков, которые опутывают нас, как цепкие лианы. И чем прекраснее цветы наших иллюзорных лиан, тем яростнее мы к ним привязываемся и за ними гоняемся. Когда же настает момент нашего внутреннего созревания, нам приходится разрывать цепи своих иллюзий. И если эти цепи глубоко вросли в наше сердце, то в тот момент, когда мы разрываем их, нечто прежнее в нас умирает. Умирает иногда целыми частями своего существа, чтобы на месте связывавших нас страстей вырастала радость освобождения.

Не могу тебе сказать, что я завоевывал свои ступени роста и освобождения легко и просто. Я уже много раз умирал под вцепившимися в меня лианами страстей и много раз снова оживал, всегда благословляя Жизнь за посланный ею урок освобождения.

Я вижу, как свалились на тебя сразу целые десятки уроков. Я вижу, как стойчески ты их выдерживаешь, мой дорогой друг Лёвушка. Тебе кажется, что страданий вокруг слишком много, что Милосердие Жизни могло бы больше позаботиться о радости людей. Нет, Лёвушка, не Жизнь раздает награды и удачи или беды и наказания. Каждый человек подбирает в своих днях то, что он сам своими делами в веках разбросал вокруг себя.

Выбросить, как ковшом вычерпать, мутную воду, которую сам пролил в жизнь, — невозможно, её надо пропустить через собственное сознание и труд. И только тогда вода, прошедшая через фильтр собственной доброты, всосётся в землю, оставив на поверхности её, окружающей человека, кристаллы чистой Любви. Эти сверкающие кристаллы уже не могут ни замутиться, ни разрушиться. Это искры твоей вечной Любви, которые живут в тебе и в каждом. Они легки, чисты и сыплются с нас, как алмазный дождь, когда мы трудимся на земле в своём простом дне, думая не о себе, а о встречных.

Чем больше любви в сердце, освобождённой и очищенной, тем чище и шире вокруг нас блестящий ковёр, на котором встречает своих близких каждый человек. Когда ещё только подходишь к человеку, уже издали ощущаешь аромат духовной атмосферы его ковра. И тот человек, чья атмосфера очаровывает нежностью и чистотой аромата, всегда много-много раз уже умирал своими страстями прежде, чем они переросли в кристаллы освобождённой любви.

Тебе, Лёвушка, пришлось много выстрадать. Но перед тобой ещё огромная, долгая-долгая жизнь. Всё ещё встретится тебе на пути. Но знай одно: нет таких ступеней совершенства, которые сваливались бы с неба на плечи человеку сами собой, словно из рога изобилия, который держит чья-то рука, усыпая путь цветами. Каждый цветок — собственный труд человека. Каждая удача — твоя победа в тебе самом.

И то, что ты называешь словом «удача», — это результат твоего знания и твоё достижение на пути освобождения. Это твоя внутренняя мощь и победа, а не те внешние блага, которые обыватели зовут удачами, стараясь добыть их себе чужими руками и трудом.

Если временами тебе будет становиться особенно трудно и тяжело, знай тогда, что ты проходишь одну из ступеней своего освобождения и что в тебе умирает какая-то часть прежних иллюзий. Их умирание всегда нелегко для земного существа, наделённого сознанием и чувствами двух миров — неба и земли.

В моменты тяжёлых испытаний и страданий прибегай к помощи людей, подобных Иллофиллиону, чей ковёр любви расширился в сияющую сферу, охватывающую и его самого, и всех, кто к нему подходит. Дядя Али говорил мне, что скоро направит меня к тебе в Общину. Я был в этом месте уже два раза и буду счастлив, если встречу там с тобой.

Прими мой сердечный привет, дорогой друг. Не стоит и говорить, как я буду рад, если ты не откажешь мне в своей дружбе и будешь мне писать. Я же всегда с тобой в мыслях и дерзаю назвать себя твоим верным другом.

Али Махмуд».

Это было второе письмо, полученное мною от Али-молодого. Я поневоле вспомнил, как я караулил сон Флорентийца и читал в духоте вагона его первое письмо.

Как сравнительно мало прошло времени, ещё и года не исполнилось с нашей первой встречи с Али, а сколько уже промелькнуло событий. И таких событий, которые закрыли собою образ того мальчика, который приехал когда-то в К. Я невольно улыбнулся, когда представил себе того наивного, невнимательного, не умеющего владеть собой Лёвушку, который шёл на пир Али и воображал себя героем маскарада. Мне показалось, что я даже не мог теперь испытывать такие экспансивные чувства, как в то время. Вспомнил я и своё отчаяние, одиночество, слёзы брошенного существа, — и ясно понял, что уже переступил какую-то ступень сознания и больше не буду искать счастья в той или иной форме внешней жизни.

Вероятно, я ещё долго раздумывал бы о всевозможных вопросах, которые появлялись, ассоциируясь с воспоминаниями, но меня отвлек цветок, брошенный в окно. Я поднял цветок, вышел на балкон и увидел Иллофиллиона, звавшего меня к горной речке купаться.

— Да ты, Лёвушка, не спал? Это никуда не годится, — говорил мне притворно-грозным тоном мой дорогой друг и наставник. — Сегодня я буду знакомить тебя с большим числом моих друзей. Среди них будет немало прелестных дам, и мне вовсе не хочется, чтобы они составили себе впечатление о скучном Лёвушке, который дремлет за завтраком.

Я уверил Иллофиллиона, что не ударю лицом в грязь, спрятал письма, захватил простыню и быстро нагнал своего уже спускавшегося вниз друга.

Мы шли теперь по той живописной долине, которую я наблюдал со своего балкона. Тропа круто свернула влево, мы обогнули небольшой сад, и я снова застыл от изумления. Горная речка текла издалека, падала уступами, бурлила и пенилась, но у песчаной отмели, куда привёл меня Иллофиллион, разливалась большим озером, как огромная чаша, и вытекала снова узкой, бурлящей по уступам речкой.

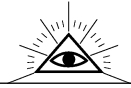
Вокруг озера росли пальмы и было раскинуто много купален. Озеро было глубокое, вода холодная. И только немногие,

отличные пловцы и спортсмены, решались переплыть его. На другой его стороне тоже стояли купальни, и там я различал двигавшихся людей.

Было уже очень жарко, я мечтал поскорее окунуться, но Иллофиллион повёл меня дальше, на следующий уступ горы. Здесь я увидел такую же точно картину, река образовывала озеро и текла дальше. Но это озеро было гораздо меньше и мельче. Иллофиллион объяснил мне, что приезжающим впервые в Общину нельзя купаться сразу в нижнем озере, так как слишком низкая температура воды вызывает судороги и может даже смертельно повредить всему организму. Но, постепенно приучаясь к переходам от жаркой температуры воздуха к холоду воды в озере, воды, обладающей большими целебными свойствами, можно не только сбросить с себя кучу физических болезней, но и обновить весь организм.

Многие, прожив в Общине шесть-семь лет, уезжают помолодевшими на десятки лет и почти перестают болеть. Иллофиллион, не желая оставлять меня одного, купался тоже в верхнем озере. Не знаю, как бы я чувствовал себя в нижнем озере. Но вода верхнего меня пленила. После моря, в котором за время нашего долгого путешествия я часто купался, мягкая, совершенно прозрачная и приятно прохладная вода озера, где был виден мельчайший камушек, где дно было как бархат, где не плавало ни одной медузы, казалась мне блаженством. Я никак не мог решиться расстаться с озером, и только предупреждение Иллофиллиона, что близится час женского купания и я задержу дам, заставило меня вылезти из воды. При этом я вздыхал и обещал Иллофиллиону завтра же найти себе ещё одно озеро, где бы можно было купаться сколько захочешь, не боясь дамского нашествия.

Иллофиллион смеялся и угрожал познакомить меня с одной американкой, очень богатой дамой, которая не любит юношей-затворников и превращает их в своих пажей. Я возмутился и просил принять к сведению, что в Америку ни за какие блага не поеду и знакомиться буду только с русскими. Едва я успел договорить фразу, как за купальней послышались голоса и смех.

— Это что же значит? — услышал я весёлый, очень молодой женский голос, говоривший по-английски. — Лорды всё ещё на озере? Разве не пробило семь?

— Нет, милостивые леди, — отвечал Иллофиллион, — ещё три минуты в распоряжении лордов. А кроме того, один русский граф, только что приехавший, опоздал специально, чтобы скорее познакомиться с американской леди. Он так много наслышан об её уме и воспитательских талантах, что мечтает попасть в число её пажей.

Всё это Иллофиллион говорил кому-то на мостике купальни, при этом так уморительно пародируя интонацию женского голоса и чуть неправильный акцент, что я крепился-крепился, но всё равно сорвался и залился своим прежним мальчишеским хохотом. Иллофиллион распахнул дверь купальни, вытащил меня на берег, и... я замер, превратившись в «Лёвушку — лови ворон».

Передо мной стояли две женщины. Одна была полная, среднего роста, с сильно вьющимися волосами, не отличавшаяся красотой шатенка. Но глаза её, огромные, серые, навывкате, живые и с властным выражением, точно не вмещались в это плотное тело. Этим глазам, казалось, всё надо было знать, во всё вникнуть и вмешаться. Ей было на вид лет тридцать.

Рядом с ней стояла девушка, совсем юная и тонкая, болезненного вида, с тёмными волосами, прехорошенькая, очень добрая на вид и... довольно печальная. Я не мог ничего понять. Очевидно, голос принадлежал молодой? Но вот заговорила старшая — и нечто вроде мороза пробежало по моей коже: голос принадлежал ей. Кому же это Иллофиллион наметил меня в пажи? Этим электрическим колесам, а не женским глазам, должно быть, никак не угодишь.

Старшая дама улыбнулась — точно дырочку просверлила в моём сердце — и вновь сказала:

— Будь моя воля и не мешай моё величайшее преклонение перед вами, доктор Иллофиллион, я бы запретила детям раньше семнадцати лет являться в Общину. Особенно таким нервным, как ваш спутник.

— Ничего, Наталия Владимировна, мой друг уже опередил многих. А главное, пришлось бы начать запрет с вас. Ведь

вы-то приехали сюда, когда вам ещё не было семнадцати лет. И всё же вас приняли здесь с радостью, и жизнь здесь не повредила вам.

Иллофиллион представил меня обеим женщинам, назвав одну Наталией Владимировной Андреевой, а другую — леди Бердран.

— Через день всё равно будете звать меня Наталией, так что можете и не запоминать моего отчества, — сказала Андреева, протягивая мне руку. И какой изящной и приятной была эта рука! Я сразу почувствовал в ней друга и перестал бояться её глаз.

— Ну и шила же у вас вместо глаз! — заявила она мне.

— Бог мой, а я только что хотел сказать вам, что ваши глаза — электрические колёса! Должно быть, они на дне морском гвоздь отыщут. Я уже почувствовал, как вы просверлили меня ими, Наталия Владимировна!

— А я что же? — рассмеялась леди Бердран. — У меня ни шил, ни колёс нет, и дырочек сверлить не умею, к какому же рангу смертных причисляюсь я?

— Вы, леди, вы звезда удачи. Я уверен, что встреча с вами несёт всем удачу. И ваша печаль происходит от того, что вы у всех берёте скорбь и бросаете им взамен свою доброту.

— Пощадите, Иллофиллион! Вам надо было вашего друга купать сразу в нижнем озере, — расхохоталась Андреева.

Иллофиллион взял меня под руку, весело посмотрел на дам, ещё веселее засмеялся, назначил им встречу в столовой и побежал, увлекая меня за собой, как бегают школьники.

Опять мне пришлось поразиться. Положительно с моим водворением в Общине я только и знал, что удивлялся. Иллофиллион, такой серьёзный, степенный, так редко смеявшийся, а только улыбавшийся, был здесь совсем другим. Я не мог себе представить, что Иллофиллион может бегать и шалить со мною, как мальчик.

Через несколько минут я взмолился и попросил Иллофиллиона перейти на самый медленный шаг. От моего прохладного купания не осталось и следа. Я был мокрым, и пыль набилась в мои сандалии, Иллофиллион же имел вид только что вышедшего из гостиной.

— Не огорчайся, Лёвушка, привыкнешь к климату и выучишься ходить и бегать так, чтобы не подымать пыли. Иди, поменяй свою одежду, прими душ, скажи Яссе, он тебе поможет. Я буду здесь тебя ждать.

Иллофиллион сел в тень на скамью возле крыльца, и не успел я подняться на верхнюю площадку, как он уже оказался окружённым большим кольцом людей.

Ясса посоветовал мне принять холодный душ, что я с восторгом исполнил, дал мне свежий хитон и сандалии и сказал, что утром все ходят в одном легком хитоне и только к обеду надевают два. Обед бывает здесь рано, в два часа.

Я удивился, как можно обедать в самый зной, но не сказал ничего. Ясса же, точно поняв мои мысли, объяснил мне, что утренняя столовая, куда мы пойдём сейчас, — западная. Обеденная — в самом конце сада, у речки, она северная, открытая, обвитая вся лианами и плющом, а чайная — на восточной стороне парка, у самой скалы. Жарче всего не в обеденной столовой, зелень которой всё время поливают водой и где дует ветер вееров, а в чайной, где даже устроен в скале грот для тех, кто плохо переносит жару. В гроте всегда прохладно, и многие даже занимаются там в полуденный зной.

Я сошёл вниз как раз с ударом гонга. Иллофиллион познакомил меня с некоторыми из своих собеседников, взял меня под руку, и мы пошли всей группой к столу.

Я посмотрел по сторонам с беспокойством, думая, что мои новые знакомые дамы запаздывают к завтраку. И здесь мне был уготован сюрприз. С противоположной стороны парка шли Андреева и леди Бердран. Очевидно, была ещё другая, кратчайшая дорога от реки прямо в парк.

Теперь я мог лучше рассмотреть обеих дам. Андреева шла довольно тяжёлой походкой, свойственной полным людям. Её глаза на самом деле походили на электрические шары. На меня она снова произвела впечатление намагниченного человека. Мне казалось, что её спутница умышленно держится подальше от неё. Леди Бердран улыбнулась нам и села за соседний стол, где уже сидел немолодой человек, очень красивый, живой, с прекрасными манерами, бритый. Я принял

его за француза. Он приветствовал свою соседку, ловко подставил её кресло и сел сам только тогда, когда она опустилась в кресло и придвинулась удобно к столу.

Иллофиллион сказал мне, что этот человек поляк, простой рабочий, добившийся самостоятельными усилиями высшего образования и принимавший участие в борьбе за освобождение своей родины. Имя его — Ян Синецкий, он не первый раз уже здесь.

Возле Андреевой я увидел человека небольшого роста, с прелестными, добрыми и детски наивными глазами. Окладистая серо-седая борода и такие же кудрявые волосы в сочетании с большими близорукими синими глазами — весёлыми и юмористически-плутоватыми — всё было на этом лице красиво и обаятельно, и очки ему шли. Щёки у него были розовые, губы красные, зубы перламутровые, и весь он мог бы быть моделью для статуи добряка. Улыбка почти не сходила с его губ, и одет он был в лёгкий, безукоризненно белый костюм из тончайшего шёлка. От него так и веяло чистотой и аккуратностью, что ещё резче подчеркивало его контраст с сидящей рядом Андреевой.

Грубо высеченные черты волевого лица, необычайная живость глаз и пристальность взгляда, какая-то суровая сила, исходившая от нее, составляли полную противоположность с образом её соседа. Было заметно, что она не склонна уделять особого внимания своей внешности. Кружевная белая косынка, покрывавшая её волосы, была наброшена небрежно. Платье было измято, книга, которую она держала в руке, потрепана, из зонтика торчали две обнажённые спицы. Обе эти фигуры, такие разные, поглотили сразу моё внимание. Каждая из них показалась мне обаятельной по-своему, и я подумал, что как бы разно ни мыслили эти люди — они могут сообща решать какую-то задачу жизни и вливаться в её гармонию, дополняя друг друга.

Я только было хотел спросить Иллофиллиона, не являются ли они мужем и женой, как услышал громкий и весёлый смех Андреевой, которая сказала Иллофиллиону через стол:

— Я же говорила вам, Иллофиллион, что вашего чудо-шило-графа надо было сразу купать в холодном озере. Он уже

нашёл тему для своего будущего романа, и бедный мистер Ольденкотт попал первым в его герои.

— Не думаю, Наталия Владимировна. Лёвушка так напуган вами, что скорее будет искать темы для своих произведений в других секторах Общины, — юмористически поблескивая глазами, ответил Иллофиллион.

Несмотря на внешнюю грубоватость, от Андреевой так и веяло мощью доброжелательства, когда она смотрела на меня. Я как-то сразу с ней сдружился внутренне, чему и сам теперь удивлялся. Впервые я ясно понял, что у Андреевой не было чувства внешнего такта; но её мудрость была выше, чем у всех, кто сидел с ней рядом. Я улыбнулся и, нисколько уже не боясь её глаз, сказал:

— Не знаю, что было бы, если бы Иллофиллион приказал мне искупаться в холодном озере. Но тёплое озеро породило во мне одно желание: сделаться вашим пажом.

Не только Иллофиллион, Ольденкотт, Синецкий и леди Бердран, но и те, кто сидел за нашим столом подальше, не могли удержаться от смеха. Кастанда, подошедший к Иллофиллиону спросить, какой диетический стол он мне назначит, смеялся до слёз. Наталия Владимировна выждала, пока её соседи успокоились, и снова сказала своим чётким, резковатым голосом, необыкновенно молодым для её лет:

— Лёвушка, запомните хорошенько этот день и этот смех. Он мне будет большим оправданием, когда Али приедет сюда и спросит меня, что я сделала для человека, пожелавшего добровольно стать моим пажом. Общий смех моих друзей говорит о том, в какой тирании я держу моих юных приятелей. Но кончается дело всегда так, что юные приятели забирают меня в лапы, и я служу им объектом для их проказ либо забав.

Я мало понял, что скрывалось за общим смехом и в чём состояла соль слов Андреевой. Иллофиллион, весело поглядывая на меня, предложил мне съесть салат из зелени, потом какую-то особенно вкусную кашу и, наконец, очередь дошла до прекрасного кофе, по которому я соскучился за долгое время нашего путешествия, поскольку везде нам предлагали какао или шоколад.

Рядом со мною сидел высокий, стройный, гладко выбритый молодой человек — мистер Черджистон. Будучи математиком по образованию, он в данное время занимался историей. Он тоже был в Общине впервые и приехал сюда несколько дней тому назад. Я почувствовал, что он ещё не освоился здесь. Мистер Черджистон имел от кого-то письмо к Иллофиллиону, о чём я тут же сказал моему другу.

— Да, я знаю, мистер Черджистон, ваш друг писал мне ещё в Константинополь, что направляет вас сюда. Он просил меня быть вам руководителем здесь, что я с большой радостью беру на себя. Ананда тоже говорил мне о вас. Я привёз вам от него письмо и небольшую посылку, — ласково ответил он англичанину.

Никогда не забуду, что произошло с молодым человеком, когда он услышал, что Ананда прислал ему письмо и посылку. Выдержанный, строгий англичанин вздрогнул, покраснел, уронил вилку и салфетку и с глазами, полными слёз, чуть слышно сказал:

— Неужели Ананда сам написал мне письмо?

— Да, мистер Черджистон, и не только сам написал, но и дал мне подробные указания, как подготовить вас к встрече с ним. Когда он сюда приедет, вы должны быть готовы его сопровождать в далёкое и долгое путешествие. Ананда просил меня передать вам, чтобы вы постарались побороть свою застенчивость, потому что вам придётся много жить в больших суетных городах, среди людей, в постоянном общении с ними.

— Очевидно, мне не суждено жить так, как мне бы хотелось, — вздохнул мистер Черджистон. — Я мечтал о монашестве, а попаду в мир, да ещё в суету. Но, чтобы следовать за Анандой, я рад идти каким угодно путём.

Завтрак закончился, мы поклонились нашим соседям и новым знакомым и вместе с англичанином поднялись в наши комнаты.

— Я очень прошу вас, доктор Иллофиллион, и вас, Лёвушка, зовите меня Альвер, — сказал Черджистон. — Так звали меня самые дорогие мне люди. И я бы очень хотел слышать от вас обоих именно такое обращение.

— Прекрасно, Альвер, мы так и поступим, — передавая ему письмо и посылку, сказал Иллофиллион. — И если это не нарушает вашей программы дня, приходите через полчаса в парк, к дальнему пруду у столетних пальм. Я намерен привести Лёвушку к подножию гор, ближних, зелёных, и познакомить его немного с окрестностями, а заодно и с ботаникой немного.

— Как я счастлив, что вы возьмёте меня с собой! Я буду у пальм через полчаса.

Альвер вышел, унося с собой драгоценное письмо и небольшой ящик, довольно тяжёлый.

— Альвер очень многое выстрадал в своей жизни, — сказал мне Иллофиллион, когда мы вооружились лопатами, огромными войлочными шляпами, ножом и сумкой и вышли в сад. — Его жизнь до последних двух лет была сплошным ужасом в семье мачехи и её детей, которых он содержал, работая без отдыха. Юноша уже готов был прийти в отчаяние, когда его встретил один из учеников Ананды. Он привёл его к Ананде, когда тот был проездом в Дувре, и с тех пор Альвер ожил, Ананда же помог ему и сюда добраться.

— Ах, Иллофиллион, как трудно мне здесь собрать внимание. Я хотел бы сразу увидеть всех, кто здесь живёт. А выходит, что, чуть взгляну на одного, — и увязну в нём, забыв обо всех остальных. До сих пор я умел так сосредоточиваться, чтобы и человека — даже очень замечательного — видеть, и не упускать из поля зрения всего окружающего. Здесь же моего внимания едва хватает на какое-либо одно лицо.

— Это не потому, Лёвушка, что ты стал рассеянным. А только потому, что внимание твоё сконцентрировалось; и сам ты стал более тонко и глубоко воспринимать эманации и вибрации встречаемых людей. Твой организм закалился, его психические и физические качества усовершенствовались по сравнению с тем, что было раньше, и теперь ты глубже видишь сущность человека.

Если ты вспомнишь свои ощущения от встреч с людьми со времени твоего отъезда из К., ты отметишь, как тебя постоянно разбивали токи, исходившие от людей. Даже от общения с такими высокими и светлыми личностями, как Али,

Флорентиец, Ананда, тебя постоянно приходилось подкреплять концентрированными соками лекарственных растений в виде конфет, пилюль, капель. Теперь же ты и не вспомнил о существовании всех этих средств даже в таком необычном событии, как встреча с Андреевой. А между тем именно она могла бы подействовать разрушающе на твоё спокойствие. И это ещё может случиться в дальнейшем. Заметил ли ты, что американка, давно уже живущая рядом с ней, старается держаться на некотором отдалении от Наталии Владимировны? Возле Андреевой с самого её детства все окружающие испытывали беспокойство, а предметы плясали, как только она к ним приближалась. Её и сейчас не пускают в физиотерапевтические кабинеты. Электрические приборы от одного её приближения портятся, не выдерживая той колоссальной мощи электричества, которую излучает её организм. В ней обнажены все её психические силы. Она из тех, внезапно обновленных людей, в ком Вечность сразу поглотила их животное начало и возвратила им все их прежние таланты и знания. Но в ней нет гармонии сил божественного огня с огнём земли. Последний вырывается из неё вспышками, хотя всегда огонь Света его превосходит и подавляет. Но из-за того, что в ней нет гармонии этих двух огней, она и сама подвержена вспышкам раздражения, и других может заражать неустойчивостью. И всё же ты остался перед нею в полном самообладании, хотя она увидела и прочла в твоей ауре все твои особенности.

К нам подошёл Альвер, которого мы уже несколько минут поджидали, стоя среди совершенно сказочной красоты, в тени столетних пальм, окружавших пруд и отражавших в нём свои огромные кроны. По воде плавали белые и чёрные лебеди, а между пальмами стояли небольшими кучками розовые фламинго и ещё какие-то никогда мною не виданные прежде птицы.

Вдали среди пышной зелени виднелось несколько домиков и расхаживали, важно распуская чудесные хвосты, белые павлины. Мимо нас проходили люди в белых коротких одеждах. Все они, очевидно, хорошо знали Иллофиллиона, как и он их. Я поражался его памяти. Каждого он приветство-

вал по имени, каждому задавал вопросы совершенно разные. Но результат этих вопросов был всегда один и тот же: лица людей озарялись, на них, точно луч света, мелькали радость и бодрость.

Пока мы медленно проходили по тенистому парку, я мысленно вздыхал: какой колоссальный разрыв был между мною и Иллофиллионом в наших знаниях, силах, талантах, наконец, в силе любви! Где мог брать Иллофиллион такой неугасимый костёр этой любви, чтобы не расточить и не опустошить сердца теми потоками внимания и теплоты, которыми он буквально насыщал каждого, кто нам встречался?

— Ну, Лёвушка, в Общине нет места унылым мыслям. Сюда попадают только те, кто победил в себе все привычки отрицать и скорбеть, унывать и жаловаться. Брось всякого рода сомнения и приготовься к первому опыту пустыни. Как только мы выйдем из тени парка — зной набросится на нас со всех сторон.

Иллофиллион надвинул мне глубоко на голову мою огромную войлочную шляпу и спустил сзади на плечи вуаль, которой я даже не заметил на шляпе. И действительно, лишь только мы все втроём шагнули за калитку сада, я сразу же почувствовал себя словно в огненной печи. Я оценил внимание Яссы, давшего мне высокие закрытые сандалии на толстенных подошвах. Песок, которого я случайно коснулся, был горяч, как угли. Пот лил с меня градом, вся моя одежда становилась мокрой, тут же высыхала, снова взмокала; от меня шёл пар. Я так ошалел, что едва доплёлся до подножия гор, с которых там и сям катились ручьи и били ключи, орошая прекрасную растительность, траву и цветы. Иллофиллион показал мне несколько кустов дикой ежевики, громадной, спелой, ветви которой под тяжестью ягод свисали вниз. Я набросился на неё и говорил, что в жизни ничего вкуснее не едал.

— Ну, а дыня? Разве ты не мудрец? — смеялся Иллофиллион.

Внезапно я вскрикнул, чуть не наступив на выползшую из-под моих ног змею.

— Это не змея, — сказал Альвер, преспокойно беря в руки отвратительно шипевшего гада. — Это уж, Лёвушка, он

безобидный. Вот на днях я действительно был потрясён странствующим укротителем змей, которого Кастанда велел накормить обедом, и он, в благодарность, показал нам целый спектакль со своими кобрами и с большой гремучей змеей. Змеи повиновались его заунывной игре на дудочке, сначала изображали нечто вроде танца, вытягиваясь вверх и качаясь на своих хвостах, что лично мне было отвратительно. Потом они стали все сразу набрасываться на своего хозяина. Многие из нас перепугались, думая, что хозяин будет задушен своими змеями. Но он преблагодушно продолжал играть, а змеи повисли на его шее, руках, ногах и бедрах, как шевелящиеся ожерелья. Я смотрел на это как зачарованный и не мог постичь, в чём же заключалась власть человека над этими чудовищами, укус даже одного из которых означал неизбежную смерть через несколько минут.

Наконец хозяин отправил змей в корзины и мешки, оставил только одну змею и предложил кому-либо из желающих взять её в руки. Он уверял, что того, кто бояться не будет, змея не укусит. Ольденкотт уже протянул было руку, чтобы взять змею. Но Андреева резко схватила его за руку и не менее резко ухватила змею и бросила её хозяину. Всё это произошло так молниеносно, что никто и опомниться не успел. «Разве Али прислал вас сюда, чтобы вы учились шарлатанству?» — закричала Андреева громким и властным голосом; из глаз её брызнули такие искры, что многие из нас даже попятись. Змея, отброшенная так непочтительно, стала бешеной. Да и все остальные змеи начали грозно шевелиться в своих мешках, к счастью, уже завязанных. Хозяин же закричал Кастанде на непонятном мне языке что-то, по всей вероятности, мало почтительное. Кастанда передал Андреевой, что хозяин змей упрекает её в том, что она разбудила злого духа в змее и теперь, если она сама же его не укротит, змея непременно кого-либо укусит. Но вину за это он на себя не возьмет, потому что над злым духом он не властен. Андреева вдруг сказала ему на его же языке несколько слов, которые нам перевёл Кастанда: «Бери сейчас же свою змею и сам убирайся немедленно отсюда. Если промедлишь пять минут, я посажу тебе на голову рога того оленя, который бежит сюда».

Не описать никакими словами, что случилось с гордым и заносчивым заклинателем змей. В один миг он сгрёб бесившуюся змею, сунул её себе за пазуху, схватил мешки и корзины и бросился улепётывать не хуже оленя. При этом он бормотал какие-то заклятия и с ужасом оглядывался на Андрееву.

— Я бы очень просил вас, Альвер, бросить этого несносного ужа, — жалобно сказал я. — Я не Андреева и не умею властно приказывать, но ваш уж мне так надоел, что я, чего доброго, брошусь наутёк вроде заклинателя змей.

Я насмешил своих спутников, но зато легко вздохнул, когда англичанин выпустил ужа в траву. Подойдя к Иллофиллиону, я спросил его, почему он мне не сказал, что в горах много змей.

— Потому, Лёвушка, что здесь ты увидишь не только змей, но и тигров и львов, которых тоже научишься не бояться. А пока давайте-ка, друзья, срежем эту траву и вот эти цветы, да соберем листья с тех дальних кустарников. Сегодня последний день, когда их можно собирать для лекарственных целей.

Иллофиллион показал нам, как надо осторожно срезать траву, не задевая земли, а цветы, наоборот, надо брать с корнями и землёй, и как аккуратно срезать только молодые листья с кустарников.

Казалось, работа была лёгкая. Но прежде чем наши с Альвером сумки были наполнены, мы страшно устали. Если бы не боязнь змей, я бы давно уже улёгся на траве. Сумка же Иллофиллиона была полна, с трудом закрывалась, а сам он был свеж и прекрасен. Он поглядывал на нас, по обыкновению поблескивая смеющимися глазами. Мне очень хотелось спросить его, что он думает об Андреевой, но он мурлыкал песенку, говорил, что пора мне учиться играть и петь, а то я останусь навеки музыкальным невеждой, и, не дав нам отдохнуть, заявил, что пора двигаться домой, не то мы опоздаем к обеду. Никакие мои мольбы об отдыхе не помогли. Иллофиллион, смеясь над моим страхом обратного перехода по зною, намочил мою шляпу в ручье, снова напялил мне её на голову и при этом забавлялся моим жалобным видом.

— Да ведь это напоминает дервишскую шапку. А ну как я опять заболую?

Иллофиллион ещё веселее засмеялся, схватил меня за руку и пустился бегом вниз. Только теперь я понял, почему так устал, карабкаясь за травами вверх по горе. Трава была скользкая. Но я осознал это только сейчас, когда бежал за Иллофиллионом вниз. Я, собственно, не бежал, бежал он, а я скользил, как на лыжах, уцепившись за его руку и плечо. Спуск продолжался, вероятно, несколько минут, но они показались мне часом Дантова ада. Я так и представлял себе, что вот-вот споткнусь о какую-нибудь кочку и буду лежать со сломанной ногой или рукой. Когда мы наконец вполне благополучно остановились внизу, у Иллофиллиона, щеки которого покрылись румянцем, глаза блестели не хуже солнца. У него был такой счастливый, радостный вид, что я не смог сказать ему ни одного слова упрёка, хотя собирался выпалить их сразу сто и заявить ему, что я так больше не играю и что летать с гор не желаю. Иллофиллион оглянулся назад, куда посмотрел и я. Посреди горы, беспомощно держась за ствол дерева, стоял Альвер. Большой, широкоплечий, он, очевидно, застыл от изумления, наблюдая наш «полет валькирий». Вся его фигура, с изумлённым выражением лица и с приоткрытым ртом, была так уморительна, что я схватился за живот и захохотал, забыв всё на свете.

Между тем Иллофиллион, как кошка, в одно мгновение очутился возле Альвера. Взвалив его на плечо, он побежал с ним вниз, как будто бы нёс птицу. От смеха я сначала перешёл к молчаливому изумлению, потом снова к смеху, пока Иллофиллион не сказал, что сейчас велит Альверу принести ужа, чтобы привести меня в равновесие.

Альвер сам был так ошарашен, что не мог прийти в себя, поэтому я не боялся его змей. Я уцепился за Иллофиллиона и почти половину дороги давился от смеха. Должно быть, воспоминания о картинах произошедшего на горе и о раннее неведомом мне качестве Иллофиллиона, вызвавшем во мне восторг, — о его ловкости и силе — захватили меня, и я совсем забыл, что путь предстоит далёкий, а вокруг палит зной

и нас засыпает пыль, поднятая проходившим караваном живописных верблюдов...

Когда мы вошли в тень парка, Иллофиллион повёл нас совсем другой дорогой. Альвер, удивлённо оглядываясь, сказал:

— Как странно, доктор Иллофиллион, я здесь уже вторую неделю, а совсем не видел ни этой части парка, ни тех прелестных домиков вдали. Они точно игрушечные, белые, блестящие. Что это за селение?

— Этой части парка вы не видели потому, что она соединяется с большей его территорией узкой тропой через ущелье. Вы, вероятно, подходили к ущелью и думали, что тут конец всей Общине. А на самом деле тут-то, собственно, и начинается деятельность Общины. Ряд домов, о которых вы спрашивали, это первое детское поселение. И таких приютов у Общины десятки. Они расположены вокруг парка и по течению реки. Дальше высится школа, а на самом краю селения, направо, больница. Налево — приют для глухонемых и их школа. Через некоторое время, когда вы с Лёвущкой привыкнете к климату и езде верхом на верблюдах, я возьму вас с собой в путешествие недели на три-четыре, а может быть, и больше. Мы объедем всю Общину. Вы познакомитесь с деятельностью не только тех, кто проводит здесь по несколько лет, но и тех, кто живёт постоянно.

Двинувшись дальше, мы очень скоро пришли к горной расселине, и мне показалось, что дальше хода нет. Но Иллофиллион обогнул огромный камень, и я увидел за ним маленькую тропинку, напоминавшую русло высохшего ручья. Идя по ней, мы вышли к противоположной стороне расселины, представлявшей собой сплошную стену. Вдруг Иллофиллион нагнулся, шагнул в грот, видневшийся с левой стороны, и через минуту мы стояли у тех же столетних пальм, откуда начали наше путешествие, только совершенно с другой стороны озера. Я оглянулся назад и не мог решить, из какого же отверстия горы мы вышли. Целый ряд пещер, одинаково обвитых лианами и ещё какими-то вьющимися растениями, был за нами. Но раздумывать было некогда, так как, сойдя к пруду раньше нас, Иллофиллион отвязал маленькую лодку,

и мы переплыли пруд, причём ни лебеди, ни фламинго и не думали бояться нас.

Мы очень точно вернулись к обеду, успев принять душ и переодеться. Когда мы сели на свои места в обеденной столовой, которую я видел в первый раз, я заметил, что здесь все столы были круглыми и соседи наши по столам были все те же. За соседним столом я встретил пристальный взгляд Андреевой. В моём воображении очень ярко нарисовалась сцена со змеей, рассказанная Альвером. Ольденкотт между тем с серьёзным видом расставлял кресло своей соседке и заботливо собирал её вещи, которые она повсюду роняла, складывая их на специально приспособленные в стороне полки. Я заметил, что спицы больше не торчали из её зонтика, и с умилением подумал, что это он сам их ей пришил, как заботливая нянька.

Я забыл сказать, что креслица во всех столовых были одного типа — это были пальмовые или бамбуковые стволы, затянутые буйволиной кожей. Они легко складывались и раскладывались, были устойчивы и удобны. Кресла эти были довольно низкими, как и столы. Все столы были покрыты белыми чистыми скатертями, всюду стояли в вазах цветы. Вазы были из керамики местного производства, все разные, и показались мне ценными в художественном отношении. На каждом столе стояло по нескольку кувшинов с молоком, и кувшины не отставали в красоте от ваз.

Обед проходил спокойно, никакой суеты не чувствовалось, несмотря на огромное количество присутствовавших. Ни за одним табльдотом я не видел такого количества людей, и всюду была суета. Здесь же у каждого стола были свои подавальщики блюд, а за столом все обслуживали себя сами.

Еще раз меня поразила особая атмосфера этого общества. Манеры были далеко не у всех так элегантны, как у польского рабочего Синецкого. Внешний вид людей был самым разнообразным. Но по скольким бы лицам ни пробежал мой взгляд, все они были значительны, на всех лежала печать духовности и от каждого из них веяло добротой и миром. Только несколько лиц, среди которых было и лицо прекрасной американки, леди Бердран, были печальны, даже более того,

как-то скорбно прекрасны, что лишь подчеркивалось на фоне радости остальных.

Не успел я отчётливо задать самому себе вопрос, почему эти несколько лиц носят такое особенно глубокое и вдохновенное выражение скорби, как услышал неподражаемый голос и своеобразный акцент Андреевой, говорившей мне:

— Советую вам, достопочтенный и любознательнейший граф, не забегать вперёд. Завтра, если вам угодно, я отвечу на ваше «почему» очень точно. А сегодня сосредоточьте ваше внимание на радостях. Если желаете, можете присоединиться к нашей экскурсии за дынями после обеда.

Тут я переполошился. Я уже привык на свои немые вопросы получать мгновенно ответы Иллофиллиона или Флорентийца, Ананды или сэра Уоми. Но чтобы в мою черепную коробку заглядывала ещё и эта женщина с глазами, подобными электрическим колесам, я совершенно не желал. Я посмотрел на сидевшего со мной рядом Иллофиллиона, но он, казалось, не слышал и не замечал моего к нему обращения.

— Мы с вами ещё не были представлены друг другу, — улыбаясь, сказал мне Ольденкотт. — Моя приятельница, Наталия Владимировна, говорила мне о ваших талантах. Вы не обращайте внимания на её шутки. Она ни в какие рамки общечеловеческих пониманий не умещается и нередко озадачивает людей. Но на самом деле она добрейшая женщина. Если не относиться к ней как к обычной женщине, а признать в ней сразу нечто волшебное, то подле неё чувствуешь себя в полном спокойствии и безопасности. Правда, она не очень любит змей, но уж с этим надо примириться, — прибавил он, притворно вздыхая и бросая лукавый взгляд на свою соседку.

Общий весёлый смех, а также просьбы нескольких соседей взять их с собой на дынное поле избавили меня от ответа. Я посмотрел на Альвера, который тоже смеялся. Он шепнул мне:

— Соглашайтесь идти собирать дыни. Это недалеко. Идти туда надо парком, поле почти рядом. Дыни превосходные, аромат замечательный. А главный интерес в том, как она их выбирает. Она сама будет сидеть в тени, почти не смотря на

поле, и говорить, какие дыни надо снимать. Сам старший садовник и огородники поражаются, как она это делает, точно насквозь каждую дыню видит.

Я подумал, что моя новая знакомая этак, пожалуй, и сквозь землю видеть может. Вдруг Иллофиллион повернулся ко мне и совершенно серьёзно меня спросил:

— А ты, Лёвушка, думаешь, что сквозь землю видеть нельзя?

Я оторопел и даже не знал, как мне принять и понять его вопрос. Тут все стали вставать с мест и убирать к стенкам свои кресла. Я уцепился за Иллофиллиона, сейчас мне не хотелось никуда идти, а хотелось просто побыть в тишине с моим дорогим другом или хотя бы одному, чтобы привести в порядок свои разбегавшиеся мысли.

— Я думаю, Лёвушка, мы с тобой сегодня не пойдём за дынями, зато я покажу тебе любимую комнату Али. Когда Али приезжает сюда, он всегда там живёт. Туда вход никому не разрешён без него. Но Кастанда получил приказание Али дать тебе возможность проводить в его комнате времени столько, сколько ты захочешь, и тогда, когда считаешь нужным. Вот и Кастанда идёт нам навстречу, очевидно, он несёт тебе ключ.

— Я получил приказ, Лёвушка, от моего любимого Учителя и господина этого дома вручить вам, на второй день вашего приезда, ключ от его комнаты. Вы можете там проводить столько времени, сколько вам угодно. За всё время моей жизни здесь — скоро этому будет двадцать лет — только второе лицо получает право свободного входа в эту комнату в первый свой приезд в Общину. Первым был Али-молодой, вторым являетесь вы. Очевидно, у Учителя есть веские основания для оказания вам такой великой чести. Примите мои поздравления и моё почтение и считайте меня в числе ваших усердных и радостных слуг. Я рад служить вам так, как служил бы ему самому.

Кастанда низко поклонился, я же, совершенно смущённый и тронутый, воскликнул:

— Али не просто оказывает мне честь, а делает это из великого снисхождения ко мне и из любви к моему брату. Я же

ничем ещё не мог заслужить такой исключительной доброты Али по отношению ко мне. Если сейчас мне оказывается это чудесное, исключительное внимание, то, очевидно, мой великий друг Флорентиец просил об этом Али. Мне было бы очень неудобно, если бы вы подумали, что я сам по себе достоин этой чести. Я здесь только скромный слуга моего брата, самого Али и моего наставника Иллофиллиона. Возьмите ключ, Иллофиллион, я буду пользоваться комнатой только с вашего разрешения.

Я подал ключ Иллофиллиону, но он его не взял, а, наоборот, обнял меня и сказал:

— Дерзай, Лёвушка, учись нести бремя счастья и несчастья одинаково легко.

Выйдя из столовой, мы пошли не к большому дому, а к маленькому двухэтажному коттеджу с башенкой и балконом, стоявшему среди могучих пальм, как на отдельном островке, куда надо было проходить по мостику над речкой, опоясывавшей весь островок кольцом. Само это место было очаровательно, уединённо, поэтично. Белый домик был сложен из какого-то особого камня, гладкого, блестящего и похожего на белый коралл. Кругом царил тишина и чистота, скакали белочки на высоких кедрах, насвистывали птицы. Белый павлин бежал нам навстречу, точно хотел нас приветствовать.

У подъезда дома нас встретил старый беззубый слуга в азиатской одежде и чалме. Увидев в моей руке ключ, он распахнул, кланяясь, двери подъезда. Мы вошли в прихожую, поднялись по такой же белой, как наружные стены дома, лестнице на верхнюю площадку и очутились у двери, которую Иллофиллион велел мне открыть ключом.

Слов, чтобы описать мои чувства, когда я открывал дверь, мне не найти. Я точно стоял у заветной черты и видел жгучие, живые глаза Али. Я как бы слышал его голос, говоривший мне:

— Есть жемчужины чёрные — это ученики, идущие путём печалей и несущие их всем встречным. То не твой путь. Есть ученики, несущие всем розовые жемчужины радости, — и этот путь тебе определён. Иди, мой сын, привет тебе, будь предан и чист.

Я думал, что опять начал бредить, но прислушался чётче и явственно различил властный, с характерным тембром голос Али-старшего:

- * — Если встретишь скорбный лик ученика, идущего путём печалей, возлюби его вдвое и подай всю силу своей бодрости
- * и энергии ему в помощь. Ибо путь его самый тяжкий из всех подвигов Любви на земле.

Сколько слов пришлось мне сейчас найти, чтобы передать всё тогда понятое и услышанное. А на самом деле всё это промчалось как молниеносный вихрь сквозь меня, сотрясая мой организм, уничтожая всякое расстояние между мною и Али, соединяя меня с его мыслью каким-то чудесным и не понятным мне тогда образом.

Наконец тяжёлая дверь распахнулась, и мы вошли в комнату. Сразу же напротив входной двери была широко открыта дверь на балкон и по обе её стороны были настежь открыты окна. Всё это разделялось такими узкими простенками, что возникало впечатление, будто смотришь сразу на весь мир. Широчайший горизонт на долину, горы, раскиданные селения, мечети, стада, сады, куда только хватало глаз — всюду била жизнь, всюду взор попадал на какую-либо красоту, от которой невозможно было оторваться. Долго стояли мы с Иллофиллионом молча на балконе.

— Осмотри комнату, Лёвушка, и я переведу тебе изречения, которые ты увидишь на стенах.

Мы вошли с балкона в комнату. Несмотря на жаркий день, в ней не было душно, так как с восточной стороны солнце уже ушло, а с западной и южной сторон комната была защищена от солнечных лучей лестницей и башенкой. Гладкие белые стены внутри, такой же пол — ну точь-в-точь коралловый домик! То, что я принял за бордюр, оказалось надписями-изречениями, сложенными из кусочков того же камня, что и пол, и весь дом.

— Запомни, Лёвушка, первую, главную надпись над балконной дверью и окнами. Здесь написано:

- * *Сила человека — Любовь. И она мчит его из века в век.*
- * *Сила-Любовь рождает человека и рождается в нём тогда,*
- * *когда в нём созревает гармония.*
- Любовь — Гармония, и путей человеческих к ней семь.*

Пока знай только это изречение. Ты дал слово себе изучить языки Востока. Кроме них, ты должен знать язык пали, на котором сделаны эти надписи. Этот язык открывает дверь к знанию тем, кто в неё стучится.

Я с благоговением смотрел на загадочные знаки изречений и думал: найду ли я ключ к двери знания?

По стенам комнаты стояли низкие белые диваны. У широкого окна, как и у камина, стояло по креслу. Кресло у камина поразило меня своей формой. Выполненное из грубых стволов какого-то тёмного, почти чёрного дерева, оно было прекрасно как произведение искусства, без сомнения, очень и очень древнего происхождения. Оно одно только и выделялось тёмным пятном в этой чистой белой комнате. Обито оно было шкурами, должно быть, тоже очень старинными. Шерсть почти вылезла, оставив одну кожу невиданной мною толщины.

У окна с левой стороны стоял письменный стол белого дерева, закрытый прекрасной крышкой, очевидно, раздвигавшейся в стороны и похожей на большущие пальмовые листья. Я чувствовал себя здесь не совсем свободно. Меня сковывало благоговение, точно я стоял в храме. Я ни за что не согласился бы сесть где-либо в этой комнате, так недостижимо высоким казался мне сейчас её хозяин. Я даже говорить не решался, только потянул Иллофиллиона за рукав и показал глазами на дверь, молча приглашая его выйти из комнаты.

Он улыбнулся, оглядел ещё раз всю комнату, как бы посылая привет всем непонятным мне изречениям на стенах, и мы вышли, закрыли дверь молча и так же молча прошли через весь островок и парк к себе домой.

Белый павлин и восточный слуга провожали нас до мостика, и павлин на прощание распустил свой дивный хвост, сверкавший золотом и лазурью, и склонил головку с хохолком, точно говоря: «До свиданья».

Когда мы вошли в наши комнаты, Иллофиллион сказал мне:

— Приляг и отдохни до чая. Здесь тебе пока нельзя переутомляться. Надо постепенно закалиться, чтобы хорошо переносить этот жаркий климат.

Я не возразил ни слова, хотя совсем не хотел ни лежать, ни спать. Сначала жара подавляла меня, но затем я заснул и проснулся только от зова Яссы, будившего меня к чаю. Я догнал Иллофиллиона уже внизу лестницы; он был в обществе двух мужчин, которых я ещё не видел. Один был светлый блондин, типичный швед, каковым и оказался. Звали его Освальд Растен. Он на вид казался юношей, и я удивился, когда узнал, что он уже второй раз в Общине. Второй собеседник был брюнет, француз Жером Манюле. Речь блондина, его манеры и походка были размеренно спокойны; брюнет же был подвижен, как ртуть. Походка, движения, речь — всё выказывало в нём огромный темперамент, но суетливости в нём не было никакой: все его существо дышало доброжелательством, весёлостью и лёгкостью. Глаза его были тёмными и не особенно большими, но красивого разреза. Они сверкали умом, часто пристально и внимательно вглядывались во всё окружающее. Он мне показался писателем, что потом и подтвердилось.

Швед был из купеческой семьи, вопреки желаниям родни выбрал научную карьеру и уже был главой кафедры по истории в одном из немецких университетов. Когда Иллофиллион познакомил меня с ними, оба одновременно воскликнули:

— Как? Капитан Т.?

— Нет, — ответил я. — Я его брат.

— Вы вскоре прочтёте рассказ Лёвушки и будете рады принять в число своих друзей ещё одного юного писателя и будущего учёного, — улыбаясь, сказал им Иллофиллион.

Каждый из новых знакомых назвал меня «коллегой», и по дороге в чайную столовую оба моих знакомых представили меня трём дамам, двум молодым и одной пожилой. Но не молодые и красивые дамы поразили меня, а седая старая женщина. Первой мыслью, когда я её увидел, была: «А говорят, что старые женщины не могут быть красивыми, женственными и обаятельными!»

На высокой, чуть полной фигуре красовалась — именно красовалась, я не подберу другого слова, — прекрасная седая голова. Загар не портил лица с правильными чертами, большие чёрные глаза и чёрные же брови подчёркивали седину.

Морщин у неё не было, лицо было моложаво. Но в глазах и улыбке было так много скорби, что у меня перед глазами встали слова Али, услышанные, когда я шёл в его комнату: «Если встретишь скорбный лик ученика, идущего путём печалей, возлюби его вдвое и подай всю силу своей бодрости и энергии ему в помощь. Ибо путь его самый тяжкий из всех подвигов Любви на земле».

Я низко поклонился старой даме и горячо поцеловал протянутую ею мне руку. И эта рука, как рука Андреевой, была тонкая и дружеская. Но форма её была почти совершенной и говорила о том, что она скорее всего художница. И здесь моя догадка оказалась верной. Иллофилион назвал её Беатой Скальради и сказал, что синьора Беата художница, итальянка, получающая награды за свои работы почти на всех выставках мира. Её картины присутствуют в картинных галереях столиц многих стран мира. Пока меня представляли ещё несколькими дамам, имена которых не удержались в моей памяти из-за того, что я был так поглощён впечатлением, которое на меня произвела художница, из боковой аллеи к нам подошёл худощавый человек с немолодым, измождённым лицом аскета. Он, очевидно, спешил к Иллофилиону. Швед Освальд Растен шепнул мне, что это один из крупнейших пианистов и композиторов мира, русский, Сергей Аннинов. Пока обе знаменитости шли рядом с Иллофилионом, возглавляя нашу группу, Жером Манюле сказал мне:

— Сергей Аннинов живёт не в Общине, а в одном из маленьких домиков в парке. Али предоставляет ему не первый раз отдых здесь. Он очень нервен и приходит сюда довольно редко. Но когда он играет по вечерам, он разрешает всем желающим не только слушать его, но и заказывать ему любые пьесы. И как же он играет! Лучше ничего себе представить нельзя.

И синьора Скальради, и Аннинов сели за наш стол. Я не принимал никакого участия в общем разговоре. Сидя поодаль, я вглядывался в лица новых знакомых. Художница нравилась мне всё больше и больше. Её итальянская певучая и медлительная речь напомнила мне то, как однажды Флорентиец изобразил мне манеру речи его соотечественников.

Эта речь не была похожа на быструю скороговорку обеих синьор Гальдони, которых я едва понимал. У синьоры Беаты я разбирал каждое слово, что ещё больше располагало меня к ней. Но Аннинов оставался для меня загадкой. Его аскетическое лицо, изрезанное морщинами, живые глаза, резкие движения, выражение какого-то протеста на лице, точно возмущение против чего-то, что его давило, — всё казалось мне таким далёким от гармонии, что снова я вспомнил Али, но теперь уже слова изречения, начертанного на стене в его комнате, загорелись в моей памяти: «Сила-Любовь рождает человека и рождается в нём тогда, когда в нём созревает гармония».

Я рассуждал сам с собой, что если он дивный, известный всему миру музыкант, то он должен творить в гармонии. Иначе ни его произведения, ни его исполнение не покорили бы мир. А разве это лицо может быть хотя бы спокойным?

Аннинов внезапно умолк, взгляд его улетел куда-то в пространство, морщины на лице разгладились. Выражение мудрости разлилось по его лицу, он как бы вслушивался во что-то, неслышимое другим. Глаза его ярко загорелись, на бледных щеках заиграл румянец. Он вдруг стал совершенно неузнаваем и прекрасен.

— Простите, мой дорогой, до завтра. Я слышу, что меня зовёт моя муза. Вы вдохновили меня, я бегу писать. Приходите завтра вечером и приводите своих друзей. Я сыграю вам то, что сейчас шепнула мне моя муза-Гармония.

И Аннинов, проговорив торопливо эти слова и отставив чашку недопитого чая, быстро вышел из столовой.

Я сидел в самом глубоком состоянии «ловиворонства» и не мог оторвать глаз от двери, в которой исчез музыкант.

— Ну что же, шило-граф, — раздалось возле меня, и чья-то пудовая, как мне показалось, рука легла мне на плечо. — Я ведь говорила вам, что не надо упреждать событий. Гораздо лучше было бы пособирать дыни, чем резать шилами тончайшую материю. Вот вам дыня — первый сорт. И каждый кусок её прибавляет пуд мудрости.

Андреева продолжала держать руку на моём плече, я немогал под её тяжестью, даже пот покатился у меня со лба,

ещё бы минуту — и я, несомненно, упал бы в обморок. Я уже начинал чувствовать тошноту и головокружение. Но тут Иллофиллион очутился подле меня, его нежная рука уже обнимала меня, он подносил к моим губам чашку.

— Лёвущка ещё не совсем окреп после тяжелой болезни, Наталия Владимировна. Он не может ещё и не должен принимать ударов вашей силы. Вы же не всегда умеете защитить человека от тяжести ваших вибраций. Сегодня уже второй случай вашей неосторожности. Леди Бердран пришлось лечь в постель.

Голос Иллофиллиона был тих и мягок. Но мне чудилось, что Андрееву он бил тяжелее, чем давило меня воздействие её руки минуту назад. Мне стало так жалко её, что я ухватился за руку Иллофиллиона и сказал ей:

— Мне теперь уже совсем хорошо, Наталия Владимировна. Виновата вовсе не ваша рука, а дервишская шапка, которую Али однажды напялил мне на голову. Я тогда заболел и с тех пор не могу ещё окончательно поправиться. Простите меня, пожалуйста, за причинённое вам беспокойство. Я буду рад поумнеть от вашей дыни.

— Дитя моё, прости, дружочек, — тихо и ласково сказала Андреева, и я снова чуть не впал в «ловиворонство». Я и представить себе не мог, чтобы властный, резковатый, с повелительными интонациями голос этой женщины мог быть таким ласковым, мелодичным и непередаваемо добрым.

Всё же довольно долго я не мог ещё встать на ноги, и добраться до дому с помощью Иллофиллиона было задачей нелёгкой.

Ясса продержал меня в ванне довольно долго, растёр и уложил в постель. Я выпил капель, данных Иллофиллионом, и был огорчён, что первый день моей жизни в Общине закончился для меня довольно печально.

Глава 2

ВТОРОЙ ДЕНЬ В ОБЩИНЕ. МЫ НАВЕЩАЕМ КАРЛИКА. ПОДАРКИ АРАБА. ФРАНЦИСК

Заснув с вечера с большим трудом, я проспал всю ночь так крепко, что ни разу не просыпался вплоть до утра, когда Ясса разбудил меня, сказав, что Иллофиллион уже поджидает меня, чтобы идти купаться.

Едва открыв глаза и сразу же впившись взглядом в чудесный пейзаж за окном, я с трудом сообразил, где нахожусь. Из-за нашего длительного путешествия, превратившегося для меня в привычный образ жизни, я привык считать, что каждый день — это только своего рода поход. А в эту минуту я сразу осознал, что приехал сюда надолго, что я наконец дома. Быстро надевая свой более чем несложный наряд, я ясно отдавал себе отчёт, что не могу и не должен терять ни минуты попусту, в бездействии. Между тем за весь вчерашний день я ничего не приобрел, если не считать весьма скромных познаний из области ботаники, и ровно ничего не выполнил из своих обетов по изучению восточных языков.

Перед моим мысленным взором отчётливо стояло изречение, начертанное на стене в комнате Али. Стоило мне только сосредоточиться на нём, как всего меня наполняло чувство радости, что язык пали станет мне ключом к тем откровениям, которые были написаны на стенах комнаты Али. Желание поскорее начать учиться настолько овладело мною, что я ворвался бурей в комнату к Иллофиллиону, который что-то писал, сидя за столом, и выпалил сразу:

— Иллофиллион, дорогой, я уже весь вчерашний день потерял зря! Дайте мне, пожалуйста, скорее книги, чтобы я мог

начать учить необходимые мне восточные языки. Прежде всего, конечно, пали, а потом и остальные. Брат Николай говорил мне, что у меня есть способности к языкам. Я тогда, правда, не болел так много, но, может быть, мои филологические способности не исчезли. Дайте мне только поскорее книги!

Иллофиллион спокойно положил перо на стол, посмотрел, улыбаясь, на мои волосы, которые я забыл причесать, на небрежно подвязанные сандалии и ответил:

— Твоё прилежание очень похвально, Лёвушка. Но кто же тебя освободил от самых элементарных обязанностей быта, в условиях которого ты живёшь сейчас на земле? Твоя голова растрепана, ты наступаешь на тесёмки своих сандалий при ходьбе, и почему встречающиеся тебе люди должны страдать в своих эстетических чувствах, натываясь среди такой дивной красоты природы на неряшливо одетое, непричёсанное существо?

В твоей комнате стоит большое зеркало не для того, чтобы ты проходил мимо него, а для того, чтобы ты выходил из своего дома на люди, приведя в полный порядок свою внешность. Это первая из условностей, от которой тебя никто не освобождал. Не о себе ты должен думать, поправляя перед зеркалом складки своей одежды, но о людях, для которых твоя внешность может быть предметом раздражения, если твоя неряшливость режет им взгляд или ты смешон в своей одежде. Запомни, друг, что в нищету впадают чаще всего неряшливые. И даже людям, высоко развитым духовно, неряшливость мешает продвигаться вперёд в их духовном пути. Всякая неприбранная комната отвратительна высоко развитому и чистому человеку.

Вторая условность — обязательное приветствие, слово «здравствуй», которое говорят люди друг другу. Кто же освободил тебя от этой общепринятой вежливости в Общине? Здесь ты ещё глубже должен понять это слово как привет любви, как поклон огню и Свету в человеке. Это не только простая условность внешней вежливости для тебя, но основа твоего собственного доброжелательства, которое ты проявляешь к человеку в момент встречи с ним. Начинай, мой дорогой друг, во все привычные людям условности их общения

✱ вносить своё высокое благородство. Становись каналом духовности для людей, общаясь с ними в тех формах, которые ✱ не отталкивают их и не затрудняют им восприятие твоего образа, а, наоборот, привлекают их к тебе.

Мне было очень совестно за моё легкомыслие. Я взглянул на себя в зеркало и совсем переконфузился. Мои непричёсанные отросшие кудри торчали во все стороны и в сочетании с длинной белой одеждой, надетой и подпоясанной мной наспех и кое-как, делали меня похожим на юродивого. Я подумал об Иллофиллионе, к которому ворвался вихрем, не постучавшись и даже не извинившись, что помешал ему заниматься, и сразу осознал, как эгоистические мысли о себе одним закрыли всё, что меня окружало. *Мне что-то понадобилось, я сорвался в погоню за ним, а что делалось вокруг — до того и дела было мало.* Я готов был уже броситься вон из комнаты, совершенно расстроенный, как ласковая рука Иллофиллиона меня обняла.

— Не спеши сейчас огорчаться, Лёвушка, подобно тому, как ты минутоу назад спешил за книгами, забыв всё на свете. Чтобы победить и добиться чего-то серьёзного, надо уметь *видеть* каждую минутоу всё, что тебя окружает, а не выключаться из окружающих условий, осознавая один лишь узкий сектор своих собственных действий и рассматривая мир только с высоты своей колокольни, своего личного «я». Люди идут к совершенствованию разными путями, но ступени духовного развития у всех одни и те же. Здесь, в Общине, с первых же дней обрати внимание на неизменную вежливость в отношениях между людьми. Ты и здесь встретишь немало тех, кто покажется тебе и грубоватыми, и чудаковатыми. Но на это не устремляй внимания, а помни, что твой путь сейчас — это путь такта и обаяния. И чтобы их достичь, тебе надо развить в себе вежливость и спокойствие, сделать их своей неизменной привычкой.

Иди, мой дорогой, наведи красоту и приходи через десять минут. Я докончу письмо, и мы пойдём купаться.

Я убежал к себе, но теперь уже так не доверял своим эстетическим предпочтениям, что вызвал Яссу и попросил его оглядеть меня с головы до ног.

— Ясса, миленький, я очень неуравновешенный человек. Не выпускайте меня из комнаты, пока не осмотрите меня хорошенько. Я никак не постигну, как завязываются эти сандалии, — молил я моего доброго слугу.

Ясса подал мне другие, закрытые сандалии, говоря, что в них не проникает пыль, да и застегнуть в них надо только две пуговицы. Он обещал мне упростить завязки в другой обуви, мигом подпоясал меня красивым узким поясом и уверил, что теперь я причёсан и одет как самый настоящий кавалер. Поблагодарив его, я вздохнул, мысленно пожаловался кому-то, что вчера плохо закончил, а сегодня так же плохо начал мой день, — и постучал в дверь к Иллофиллиону.

Через минуту мы уже шли к озеру, накинув на головы махровые простыни. Хотя я вчера уже проходил по этой дороге, и встречавшиеся пальмы, магнолии, лимоны и апельсины, бамбуки и гигантские тополя, кедры и платаны — всё было уже мне знакомо, но тем не менее я никак не мог полностью осознать, что передо мной сама живая жизнь, а не могучая декорация. Наше купание прошло без всяких помех и неожиданных встреч.

— Не хочешь ли, Лёвушка, пройти со мной к нескольким больным, которых Кастанда просил меня навестить? Это недалеко, сейчас ещё рано, мы успеем вовремя вернуться к завтраку.

Я, разумеется, был очень рад и счастлив быть с Иллофиллионом всюду, где ему угодно, и, кроме того, стремился узнать новые места. Мы перешли через мост речку повыше озера и углубились по дорожке не в парк, а в самый настоящий лес. Но лес этот был совсем не похож на то, что я до сих пор привык называть этим словом. Стволы высоченных, толстенных деревьев, где ветви равнялись хорошей русской сосне или многолетней ели по своему объему, держали на себе такие тенистые кроны, что на дорожке, по которой мы шли, было совсем темно. Местами лианы совсем сплетались такими плотными цветущими гирляндами, что образовывали непроницаемые завесы. Здесь было прохладно, как в гроте, даже сыровато. Я уже хотел сказать Иллофиллиону, что, вероятно, такие леса полны тигров и шакалов, как дорожка

перед нами сразу просветлела, расширилась и превратилась в большую круглую поляну. На ней стояло несколько белых домиков, похожих на украинские мазанки, как мне показалось сначала. Но подойдя ближе, я увидел, что они сложены из шершавого камня, пористого, с блестящими кристаллами, очень мелкими. Когда на стены этих домов падал луч солнца, они напоминали вату, обсыпанную бертолетовой солью, которую кладут под детскими новогодними ёлками.

Навстречу нам вышла женщина лет сорока, крупная, довольно миловидная, в белой косынке, белом платье и таком же полотняном переднике, на котором был нашит широкий красный крест.

— Здравствуйте, сестра Александра! Кастанда просил меня проведать вашего больного, которого сюда доставили вчера. Дали ли вы ему лекарство, которое я вам послал?

— Да, доктор Иллофилион. Бедняжка успокоился и заснул после вторичного приёма. Раны я ему слегка перевязала, как вы приказали.

Сестра Александра провела нас в самый отдалённый домик. В чистой просторной комнате стояло несколько белоснежных детских кроваток, но занята была только одна, и возле неё сидела тоненькая девушка небольшого роста, в такой же точно одежде, как и сестра Александра.

— Это наша новенькая сестра, только что окончившая курсы сестёр милосердия. — И сестра Александра представила нам очаровательное существо. — Сестра Алдаз — индуска, она умудрилась своими способностями покорить даже нашего милого старого ворчуна — директора курсов, не говоря уже обо всех преподавателях.

Алдаз посмотрела на нас своими тёмными глазами, большими, светящимися, и напомнила мне икону греческой царевны Евпраксии, которую я видел в одной из древних церквей и которой долго любовался.

Мы подошли к детской кроватке, на которой я ожидал увидеть ребёнка, искусанного собакой, судя по предшествующему разговору.

Каково же было моё удивление, когда на кроватке я увидел спящим маленького сморщенного... карлика! Он был такой

сморщенный и несчастный, что я, разумеется, словиворонил, да так и застыл. Я, должно быть, представлял собой преуморительное зрелище, потому что Алдаз, случайно оглянувшись на меня, не смогла сдержать смеха, и он зазвенел на всю комнату. Сестра Александра строго взглянула на Алдаз, но, увидев моё изумлённое лицо, и сама едва удержалась от смеха.

Смех Алдаз разбудил карлика. Он открыл свои маленькие глазки, и я ещё раз превратился в соляной столб. Глаза карлика были красного цвета, точно два горящих уголька.

Иллофиллион, точно не видя ничего и никого, кроме своего пациента, наклонился над карликом, боязливо на него смотревшим. Иллофиллион сказал ему несколько слов, показавшихся мне очень странно звучащими. Вот и ещё один язык, который я не понимал и который, вероятно, тоже надо было выучить. Если здесь живёт несколько родов карликов, да ещё несколько сект индусов, наречия у которых все разные, то, пожалуй, мне не догнать Иллофиллиона даже в знании языков.

Занятый этой мыслью, я отвлёкся вниманием от больного, а когда я снова посмотрел на него, то еле удержал крик ужаса. На маленьком обнажённом теле зияли три раны. Одна тянулась от бедра до самого колена, вторая — от горла до живота и третья — от ключицы до локтя. Плоть на этих местах была вырвана, точно чьи-то когти её терзали. Иллофиллион дал несчастному пилюлю и капли. Обе сестры поддерживали тело маленького страдальца, а мне Иллофиллион велел поддержать его голову, которая падала от слабости. Облив какой-то шипящей жидкостью развороченные раны, Иллофиллион ловко наложил повязки. Очевидно, карлик не страдал от прикосновения его нежных рук. Он немного окреп и дружески улыбнулся своему доктору. Когда его положили в другую кровать, у окна, чтобы он мог любоваться видом поляны, он радостно поднял здоровую руку и, показывая ею на Алдаз, что-то сказал Иллофиллиону на смешном наречии, в котором было много щёлкающих звуков. На этот раз я не обеспокоился своей невежественностью, так как обе сестры, как и я, не поняли ни слова из сказанного им и с удивлением смотрели на Иллофиллиона.

Видишь ли, цель жизни на земле — духовное освобождение посредством труда. Но мы так созданы, что, приходя на землю, приносим и растим в себе огромное количество страстей и предрассудков, которые опутывают нас, как цепкие лианы. И чем прекраснее цветы наших иллюзорных лиан, тем яростнее мы к ним привязываемся и за ними гоняемся.

Он объяснил сестрам, что больной просит, чтобы весёлый колокольчик, как он прозвал Алдаз, не уходила от него. Иллофиллион приказал сейчас же напоить больного тёплым молоком с бисквитами и обратился ко мне:

— Сможешь ли ты найти сюда дорогу, чтобы после завтрака принести этому бедняжке лекарство? Или, если думаешь, что тебя съедят в лесу тигры, мне надо поискать другой способ доставки?

— Смогу найти дорогу и уже понял, что тигров здесь нет.

Я внутренне надулся: зачем Иллофиллион смеётся надо мной в присутствии очаровательной Алдаз? Но Алдаз была вся поглощена тем, как развеселить больного, щебетала ему что-то, чего он не понимал, но интонация её голоса, выражавшего ласковое женское сострадание, доходила до его сердца.

— Очень хорошо, Лёвушка. Через два часа, сестра Александра, мой друг Лёвушка принесёт вам новое лекарство. Вы его смешаете с молоком и мёдом и будете давать через каждые полчаса по четверти маленького стакана. Кроме шоколада, бисквитов, киселя и молока — никакой пищи. К вечеру я снова зайду. Если будет обострение болезненности, дайте снова вчерашнее лекарство.

Мы подошли к карлику, он протянул нам свою крошечную, горевшую от жара ручку, потом преуморительно приставил крохотный пальчик ко лбу и сказал: «Макса». Он вопросительно уставился на меня своими красными хитрыми глазками. Иллофиллион перевёл мне его слово и жест. Он спрашивал, как меня зовут, и объяснил, что его зовут Макса. Иллофиллион велел мне приставить так же палец ко лбу и сказать ему моё имя. Когда я в точности всё исполнил и карлик узнал, что меня зовут Лёвущкой, он по-детски засмеялся, что-то залопотал и защёлкал, что Иллофиллион снова перевёл мне как изъяснение его дружбы и удовольствия.

Когда мы шли назад, хотя я и был уверен, что найду сюда дорогу самостоятельно, всё же старался внимательно запоминать все повороты тропинки.

— Я задержался здесь дольше, чем предполагал, и уже не успею навестить других своих пациентов до завтрака. Хочешь ли ты, Лёвушка, быстро позавтракать и сходить вместе со мной ещё к двум больным? А затем ты мог бы отнести лекарство Максе. Или предпочитаешь это время просидеть за книгами?

У Иллофиллиона был совершенно серьёзный вид, и никакой искорки юмора не сверкало в его глазах.

— Дорогой мой, родной Иллофиллион! Если только мне можно быть вместе с вами, возьмите меня с собой. Я, правда, мало чем могу помогать вам, но разрешите мне быть хотя бы вашим посыльным или носильщиком. Я хочу совершенствоваться во время своей жизни здесь так, как вы видите и знаете. Если я так жажду учиться, то ведь только для того, чтобы скорее стать более достойным вас.

— Ты совершенствуешься, Лёвушка, очень быстро, быстрее, чем возможно для твоего организма. И только поэтому я тебя немного придерживаю. Хотя мы с тобой только что купались, но после этого большого надо и душ принять, и одежду сменить, прежде чем посещать общую столовую. Я тебе сегодня же расскажу, в чём здесь дело и кто такой Макса.

Пока Иллофиллион принимал душ, я стоял на балконе и издали видел, как женские фигуры, прикрытые длинными простынями, двигались под горячим солнцем к купальням. Жара сегодня мне показалась сильнее вчерашней, и я думал, предвкушая удовольствие, как пойду тенистым, прекрасным лесом и увижу не менее прекрасную Алдаз. Наконец, приведя себя в порядок после душа особенно тщательно и подвергшись осмотру Яссы, я решил спуститься вниз, где слышался голос Иллофиллиона.

Когда мы вошли в утреннюю столовую, все уже рассаживались по местам. К нам подошёл, торопясь, Кастанда, спросил о самочувствии Максы и прибавил ещё одну просьбу: посетить Аннинова. Его слуга приходил и сказал Кастанде, что ночью у его господина был сильный сердечный приступ.

За соседним столом я увидел снова Андрееву и Ольденкотта, место же леди Бердран было пусто. Рядом с пленившей меня художницей Скальради я увидел новое лицо. И лицо это немедленно завладело всем моим вниманием. Человек, сидевший возле художницы, не был красавцем. Но где бы он ни был, кто бы его ни окружал — повсюду он был бы замечен.

При его высоком росте он был сложен исключительно пропорционально. У него были тёмные волосы с проседью, чёрные брови, большие голубые глаза с длинными чёрными ресницами, красиво очерченный рот и безукоризненные зубы, хорошо видные при его часто мелькавшей улыбке. Во всех его движениях, в манере слушать собеседника, в красивых руках — во всём чувствовалось изысканное благородство. Что-то особенно меня в нём поразило. Человек этот держал себя просто, очевидно, он привык привлекать к себе внимание и несколько этим не смущался, но я ясно видел, что он скромен, добр, умен и несколько не горделив.

Несколько раз он посмотрел на Иллофиллиона. Я понял, что он знает, кто такой Иллофиллион, но пока ещё не познакомился с ним. Сидевший рядом со мною Альвер шепнул мне, что это один из знаменитейших артистов, имя которого знает весь мир, — Станислав Бронский, чех.

Мне казалось, что Бронский, с такой любезностью и вежливостью разговаривавший со своими соседями, всё чаще бросает взгляды на Иллофиллиона, и к концу завтрака мне даже показалось, что на его подвижном и выразительном лице мелькало беспокойство. И я не ошибся. Когда мы закончили завтрак и уже выходили, за нами послышались ускоренные шаги Кастанды, который, нагнав нас, попросил Иллофиллиона остановиться на минуту. Кастанда извинился, что так много беспокоит Иллофиллиона с самого вчерашнего вечера.

— Вы, конечно, не могли не заметить за столом новое для вас лицо, доктор Иллофиллион. Это артист Бронский, его прислал сюда Флорентиец. У него есть письмо к вам, и он заранее был извещён, что вы приедете на этих днях. Он пришёл сюда из дальних домов Общины, вернее, при-

мчался на мехари¹ с одним арабом-проводником и со своим учеником, тоже артистом. Бронский просил меня познакомиться его с вами. Я обещал ему сделать это тотчас же после завтрака. Но вторичный посланник от Аннинова меня задержал. У Аннинова был второй приступ. Кроме того, леди Бердран чувствует себя так же плохо. Андреева ухаживает за нею очень прилежно, но дело не продвигается. Вдобавок и ученик Бронского заболел, выкупавшись в нижнем озере после путешествия по жару. Я даже не знаю, о ком просить вас раньше.

У Кастанды был довольно утомлённый вид. Я подумал, что он чем-то сильно обеспокоен и, вероятно, не спал ночь. Он с мольбой смотрел на Иллофиллиона, очевидно, чего-то недоговаривая, но старался не выказывать своего беспокойства.

— Не волнуйтесь, Кастанда, прежде всего познакомьте меня с Бронским, так как его очень тревожит здоровье друга. Затем я навещу леди Бердран, а потом уже пойду к Аннинову. Вы отпустите слугу пианиста, дайте ему для больного вот эти капли, пусть Аннинов примет их на сахаре и ждёт меня. Здесь как раз доза на один приём. При темпераменте Аннинова ему нельзя доверять самостоятельного лечения, он выпьет всю порцию лекарства сразу, а потом будет удивляться, что оказался из-за этого в состоянии полусмерти.

Иллофиллион подал Кастанде такой крошечный пузырёк, что, сопоставив его с огромным ростом музыканта и его громаднейшей рукой, я невольно заулыбался.

Мы повернули обратно, увидели стоящих у окна Бронского и Скальради, и я поразился, как печально было лицо артиста. Минуту назад полное жизни и энергии, оно было бледно и выражало страдание. Он всё так же любезно слушал свою собеседницу, но взгляд его погас, точно его постигла внезапная неудача в чём-то.

Увидев, что мы подходим к нему, Бронский снова ожил, румянец разлился по его лицу, глаза загорелись, на губах

¹ М е х а р и — род быстроходных верблюдов, используемых для верховой езды. — *Прим. ред.*

мелькнула улыбка. Он сделал несколько шагов нам навстречу, низко поклонился Иллофиллиону и крепко, обеими руками, пожал его руку, протянутую ему.

— Вы беспредельно любезны, доктор Иллофиллион. Не нарушила ли моя просьба распорядок вашего дня? Я так счастлив познакомиться с вами, но счастье моё было бы омрачено, если бы я вам в чём-либо помешал.

Голос Бронского был довольно низкий, металлический, в его произношении шипящих букв была чуть заметная подчёркнутость, что придавало его манере говорить неподражаемое своеобразие, не нарушая её особого очарования.

Я смотрел и поражался, какая масса обаяния была в этом человеке! Белая индусская одежда очень ему шла, я так и представлял себе его верхом на мехари в бедуинском плаще. Вот была бы модель для художника! По обыкновению, я зазевался и опомнился от голоса Иллофиллиона, который говорил:

— Это мой друг — Лёвушка. Он писатель. Вы его простите за его рассеянность. Держу пари, что он уже нарисовал ваш портрет в своём воображении, ввёл вас в какую-нибудь картину и забыл, где он и что с ним.

Бронский протянул мне обе руки, улыбаясь и говоря, что сам страдает такой же живой фантазией, часто ставящей его в неловкое положение, потому что он теряет нить разговора. Я радостно ответил на его крепкое пожатие и сказал смеясь:

— Это правда, я представил себе вас мчащимся на мехари через пустыню в бедуинском плаще и мечтал, чтобы вас так нарисовал какой-нибудь художник. Что касается вашего любезного высказывания по поводу вашей и моей фантазии, то тут мне сравнения не выдержать. Я создаю свои фантазийные образы бесплодно. Вы же превращаете их в жизнь и всему миру преподносите через себя красоту и высокое благородство. Я преклоняюсь перед вашей энергией и трудоспособностью, о которых мне рассказывали.

— Тот, подле которого вы сейчас находитесь, не мог бы назвать вас другом, если бы не видел в вас творческой силы. В ваши годы я ничего ещё не сделал, а вы уже написали прекрасный рассказ, который я читал.

Иллофиллион отправил меня за аптечкой и просил Альвера проводить меня в тот домик, где жила леди Бердран. Когда мы с Альвером, взяв аптечку, вошли в холл домика, где жили Андреева и леди Бердран, мы увидели там Иллофиллиона, Бронского и Кастанду, беседующих с Наталией Владимировной.

— Нет, дело так не пойдёт на лад, Наталия Владимировна. Леди Бердран только потому и больна, что вы постоянно находитесь с нею и она не может приспособиться к вашим вибрациям. Вы похожи на холодное озеро, и к вам подходить близко могут только очень закалённые люди. Ваш способ лечения не только нельзя применять к леди Бердран, но и ухаживать вам за нею пока не следует.

Иллофиллион говорил улыбаясь, но в серьёзности его слов никто не мог сомневаться. Андреева казалась не то опечаленной, не то недоумевающей и недовольной.

— Неужели вы находите, Иллофиллион, что Ольденкотт, который считает своей обязанностью не отходить от меня чуть ли не в течение всего дня, так закалён против моих вибраций? Однако же он не болен? — сказала Андреева не очень спокойно, но, очевидно, сдерживая свой темперамент.

— О да, мистер Ольденкотт так сильно закалён своей бронёй доброты и чистоты, что никакие вибрации — даже много сильнее ваших — ему не страшны.

Бронский молча наблюдал всё происходившее вокруг. Мне было совершенно ясно, что он хотел попросить Иллофиллиона навестить его друга, но не решался, как вдруг Иллофиллион сам обратился к нему:

— Я попрошу вас подождать меня здесь. Отсюда мы пройдем прямо к вашему ученику. Вам же, Наталия Владимировна, на десять дней запрещаю посещать леди Бердран.

Иллофиллион сделал мне знак следовать за ним, и, провожаемые Кастандой, мы прошли в самый конец коридора, поднялись по винтовой лестнице на второй этаж и постучались в одну из крайних дверей. Дверь нам открыла молоденькая девушка-туземка в холщовом белом платье, какие я уже видел на сестрах милосердия, но без косынки на голове и с очень

небольшим крестом, нашитым на переднике. Она оказалась ученицей курсов сестёр милосердия, несущей дежурство.

Леди Бердран была очень слаба и едва смогла открыть глаза, когда мы с Иллофиллионом вошли к ней. Кастанду Иллофиллион отпустил ещё в коридоре, сказав, что дальше мы обойдёмся без него.

Больная лежала на диване в белом халате и была так бледна, что казалась привидением. Иллофиллион осторожно приподнял её в сидячее положение и сказал что-то сестре на туземном языке. Та сейчас же вышла из комнаты. Мне же Иллофиллион велел сделать смесь из содержимого нескольких пузырьков, и сам накапал туда ещё чего-то из аптечки Флорентийца. Капли закипели, я приподнял голову больной, а Иллофиллион влил ей в рот лекарство. Оно не понравилось леди Бердран. Она застонала, почти вскрикнула, чем так меня напугала, что я едва не уронил её прелестную головку.

— Будь осторожен, друг, мы успели вовремя. Сейчас у неё будут судороги, но благодаря лекарству они не будут смертельными. Держи теперь крепко обе её руки, я придержу ноги, это не продлится долго.

Я едва мог удерживать руки больной, которая вырывала их с такой силой, какой можно было ожидать, пожалуй, от мужчины. Пот лил с меня градом, мне казалось, что я уже не удержу рвущихся рук, но вскоре напряжение судорог ослабло, и Иллофиллион велел мне оставить руки больной. Я опустился на стул в таком состоянии, точно несколько часов подряд рубил дрова. Иллофиллион взял руку леди Бердран и спросил:

— Как вы сейчас себя чувствуете?

Леди Бердран открыла глаза, с удивлением посмотрела на Иллофиллиона и на меня, улыбнулась и ответила:

— Сейчас я чувствую себя очень хорошо. Но минуту назад мне казалось, что я умираю. Да и все эти дни у меня было такое ощущение, точно из меня уходит жизненная сила. Особенно когда добрая Наталия Владимировна бывала рядом со мной, у меня кружилась голова и мне казалось, что все мои силы тянутся к ней. Я знаю, что это моя чистейшая фантазия, но иначе я не умею описать вам моё состояние.

**ВИДИШЬ ЛИ, ЦЕЛЬ ЖИЗНИ
НА ЗЕМЛЕ — ДУХОВНОЕ
ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ
ТРУДА. НО МЫ ТАК СОЗДАНЫ,
ЧТО, ПРИХОДЯ НА ЗЕМЛЮ,
ПРИНОСИМ И РАСТИМ В СЕБЕ
ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО СТРАСТЕЙ
И ПРЕДРАССУДКОВ, КОТОРЫЕ
ОПУТЫВАЮТ НАС, КАК ЦЕПКИЕ
ЛИАНЫ. И ЧЕМ ПРЕКРАСНЕЕ
ЦВЕТЫ НАШИХ ИЛЛЮЗОРНЫХ
ЛИАН, ТЕМ ЯРОСТНЕЕ МЫ
К НИМ ПРИВЯЗЫВАЕМСЯ
И ЗА НИМИ ГОНЯЕМСЯ.**

— Если бы я предложил вам временно переселиться в тот корпус, где живём мы с Лёвушкой? Там есть отличная отдельная северная комната, и мне было бы удобно наблюдать за вами. Согласны ли вы перебраться туда?

На её лице, и так всегда печальном, появилось выражение крайнего замешательства. Она ответила не сразу, очевидно, борясь с чем-то и не решаясь высказаться.

— Я очень бы хотела исполнить ваше желание. Но я думаю, что это очень огорчит Наталию Владимировну, которая так ко мне добра, так много для меня сделала и помогла мне приехать сюда. Я не могу решиться принести ей огорчение. Я и без того приношу всем, кто сближается со мною, одни несчастья.

По её лицу скатились две крупные слезы, и, видя её страдания, я всей силой мысли припал к Флорентийцу, моля его помочь и послать мне силы не разрыдаться.

— Предоставьте мне всё уладить. Я уже до прихода к вам объяснил Наталии Владимировне, что вас надо очень закалить для того, чтобы общение с нею, с её мощными вибрациями, не истощало вас. Вы скажите только, желаете ли довериться мне и пройти короткий курс лечения под моим наблюдением?

— Не только желаю, но умоляю вас помочь мне, доктор Иллофиллион. Я с самой встречи с Наталией Владимировной поняла, что со мной происходит что-то неладное. Но в последнее время я стала ясно сознавать, что умираю, — со слезами в голосе сказала леди Бердран.

— Ну, до этого ещё далеко, а закалить ваш организм и двинуть вас к систематическому знанию, как закаляться дальше самой, — это необходимо.

В эту минуту возвратилась сестра и, вероятно, доложила Иллофиллиону, что прибыли слуги с носилками. Это я понял потому, что через открытую дверь она показала на нечто вроде паланкина, который стоял в коридоре. Иллофиллион сам поднял больную и усадил её в полотняный паланкин, где всю её обложили подушками. Носильщики перенесли паланкин с больной в наш дом. Немедленно был отыскан Кастанда, больная была помещена в комнату, находящуюся под нами,

этажом ниже, и Иллофиллион отдал самые строгие распоряжения о её диете и о том, чтобы к ней решительно никого не пускали. После этого мы помчались обратно в холл, где ждал нас Бронский, беседуя с Ольденкоттом. Домик, в котором сейчас жил Бронский, был довольно далеко от нас, но зато очень близко к дому Аннинова.

Войдя в комнату ученика и друга Бронского, мы увидели, как мне показалось, на вид не очень молодого человека, брюнета, похожего на грузина, но на деле он оказался румыном. Присмотревшись внимательно, я понял, что человек этот молод, но чрезвычайно истощён. Он лежал, что-то бормоча.

— Отчего вы позволили вашему другу, разгорячённому, опалённому зноем, броситься в холодное озеро? Ведь вы сами не только не сделали этого, но даже мылись в тёплой ванне.

— Я умолял Игоро не делать этого. Но румыны вообще упрямы и думают, что лучше понимают потребности своей природы. К тому же мать Игоро — венгерская цыганка; она приучила его с детства к постоянной смене холода и зноя. Он никогда не болел за всё время нашего знакомства. Насколько мне всегда приходилось думать о своём здоровье, настолько же мой друг мог относиться к себе самым легкомысленным образом, и при этом у него никогда не возникало проблем с самочувствием. Поэтому-то я так и обеспокоен сейчас его болезнью.

— Да, он очень, очень болен. И если и выздоровеет, то не скоро. Вам придётся или оставить его здесь на моё попечение, или же остаться самому вместе с ним на долгое время, не меньше года, — осматривая больного, говорил Иллофиллион. — Я понимаю, что вам необходимо возвратиться к вашей деятельности. У вас, по всей вероятности, целый ряд контрактов в разных городах мира. Но о здоровье друга вы можете не беспокоиться, мы с Лёвушкой его выходим. И через год он вернётся к вам.

— Я не покину друга в беде, доктор Иллофиллион. Я знаю, что буду мало полезен, и хорошо понимаю, какое счастье для моего друга встреча с вами. Но и для меня встреча с ва-

ми в данную минуту жизни важнее всех дел и контрактов, важнее самого искусства, ради которого я и жил до сих пор. Я уеду отсюда только в том случае, если вы меня выгоните. Я вас умоляю, не отправляйте меня отсюда, прочтите письмо того человека, которого я случайно встретил в Лондоне несколько месяцев тому назад. Он после долгого разговора в моей уборной в театре, когда я играл Отелло, дал мне письмо к вам, назвав себя Флорентийцем, хорошо вам известным. Он же объяснил мне дорогу сюда и дал в провозатые своего слугу, когда я — ни минуты не размышляя — решил ехать к вам сюда. Игоро не отпустил меня одного. И когда я познакомил с ним Флорентийца, сказав ему, что друг мой желает меня сопровождать, Флорентиец долго-долго смотрел на него, а потом сказал: «Ну, быть тому. Но помните, что я его с вами не посылал. Вы можете его взять на свой страх и риск». Мне очень не хотелось, чтобы Игоро ехал со мной. Я всячески пытался его отговорить, но не сумел настоять, как и вообще не умею нигде и ни в чём, кроме одного искусства, проявить свою волю. Только в нём я целостен и уверен до конца. Ему служу без компромиссов, и в нём никто и ничто не может сбить меня с моего пути, однажды понятого и принятого. Не отвергайте меня, — внезапно с тоской и мукой в голосе закончил свои слова Бронский.

Иллофиллион быстро подошёл к нему, обнял его и ласково сказал:

— Не переживайте, мой друг и брат. Я с радостью принимаю вас в число моих учеников. Не волнуйтесь за вашего друга. Он выздоровеет, и характер его, так много тиранивший вас в жизни, очень изменится к лучшему. Но пострадать ему придётся немало, так как не только все корешки нервов у него воспалены, но и вся нервная система нарушена из-за недопустимой разницы температур, к которым он был одинаково непривычен, несмотря на кажущуюся эффективность закаливания, к которому приучала его мать.

Иллофиллион приготовил лекарство, с моей и Бронского помощью влил его в рот больному, растёр его тело чем-то невыносимо остро пахнувшим и снова сказал артисту:

— Сейчас ваша помощь здесь совершенно не нужна. Больной будет долго спать, а потом всё равно никого узнавать не будет. У него род тифозной горячки, но на самом деле это только последствие ужасающей встряски всего организма, которая могла бы окончиться для него безумием, если бы вы не встретили здесь меня.

Послав меня за дежурным медицинским работником, Иллофилион сказал Бронскому, чтобы он захватил войлочную шляпу и махровое полотенце в своей комнате и ждал нас у выхода.

Я вернулся в комнату больного с братом милосердия. Иллофилион сделал Игорю укол довольно толстой иглой и, дав дежурному все указания, обещал через два часа прислать фельдшерицу. Мы собрали аптечку, тщательно вымыли руки и спустились вниз к ждавшему нас Бронскому.

Жара была уже очень сильная. Иллофилион нахлобучил мне шляпу и спустил вуаль, посоветовав сделать то же самое и своему новому ученику, и мы, перейдя несколько дорожек, очутились в доме Аннинова.

Всё в этом доме было какое-то особенное. Сразу же меня поразило, что из небольшой передней дверь выходила прямо в просторный белый зал, где посреди комнаты стоял белый рояль, а по стенам несколько диванов — жёстких и тоже белых. На тумбе из чёрного мрамора была какая-то небольшая статуя, показавшаяся мне сначала скульптурным портретом Данте. Потом я увидел, что это было изображение Будды.

Слуга провел Иллофилиона через большой зал в следующую комнату, а мы с Бронским остались ждать в зале. Он стал мне рассказывать об Аннинове, его гениальности, успехе у публики и о его страданиях. Он давно покинул родину, очень страдал от тоски по ней, но никогда туда не возвращался, скитаясь по всему свету. Бронский не знал, что заставило музыканта покинуть родину, так горячо им любимую. Но он был уверен, что главная причина его болезни сердца состояла в его постоянной тоске по ней.

Иллофилион довольно долго пробыл у больного. Бронский, видя мой восторг при описании его впечатлений от

встречи с Флорентийцем, и сам, очевидно, находясь под сильным влиянием мудрости и благородства моего высокого друга, рассказал мне подробно, как он был в особняке Флорентийца в Лондоне, встречал там моего брата и от него получил мой рассказ. Он видел также Наль и её подругу Алису, красотой которых был так поражён и восхищён, что до сих пор не знает, которая из них лучше. Бронский утверждал, что Алиса — это Дездемона, а Наль такая юная и вместе с тем столь величественная, что для неё он не находит имени в своём артистическом словаре. По словам артиста, такой женщины он ещё не видел и готов был бы заподозрить в преувеличении всех, кто ему рассказал бы об обитателях особняка Флорентийца.

— Я и сейчас порой спрашиваю себя, не во сне ли я видел этих людей? Возможно ли, чтобы такое количество красоты и доброты было собрано в одном месте Лондона? — Бронский задумался, точно куда-то уносясь мыслями, и тихо продолжал: — Когда я увидел Иллофилиона входящим в столовую, я сразу понял, что это именно он, хотя никто мне этого не говорил. Помимо его исключительной красоты, в Иллофилионе есть что-то, чего я не умею выразить, но что совершенно определённо напоминает мне Флорентийца. Что это, я ещё не понимаю, но это нечто такое, что никому, кроме этих двух людей, не свойственно. Много я повидал людей, и людей великих, но в Иллофилионе и во Флорентийце что-то божественное — до того оно высоко — бросилось мне в глаза и поразило меня.

У двери послышались голоса, и в зал вошли Иллофилион и Аннинов. На щеках музыканта горели пятна, очевидно, или у него был жар, или он пережил очень сильное волнение. Он приветливо поздоровался с нами, предложил нам фрукты и прохладительные напитки, но ни того, ни другого у нас просто не нашлось времени отведать.

— Итак, заканчивайте ваш труд, Сергей Константинович, и отложите концерт на несколько дней. С вашего разрешения, я приведу потом целую толпу народа, жаждущую послушать вас. Вы совершенно здоровы. А кроме того, вам ещё придётся помочь мне лечить вашей музыкой двух больных. Без музыки в данный момент их не вылечить. Мы с вами вы-

работаем программу и, я надеюсь, вернём им разум, — прощаясь, говорил Иллофиллион.

Тут уж я был поражён до полного ловиворонства. Лечить музыкой? Так я и ушёл, не собрав мозгов, и, если бы не жара, стоял бы, наверное, на месте. Но солнце жгло немилосердно даже сквозь вуаль, и Иллофиллион набросил мне на голову толстенное махровое полотенце Бронского, которое смочил в фонтане, чем привёл меня несколько в себя. Дома Иллофиллион велел мне полежать, пока он приготовит лекарство для Максы, а Бронского попросил разыскать Кастанду.

Едва я лёг, как мгновенно заснул. Мне показалось, что я спал бог знает как долго. На самом же деле оказалось, что проспал я не более двадцати минут, а отдохнул при этом чудесно. Иллофиллион разбудил меня, дал мне очень вкусное питьё, сказав, что теперь пить можно. Я взял микстуру для Максы, ещё какие-то лекарства для передачи сестре Александре и должен был привести с собой обратно сестру милосердия специально для Игоря. Я радовался, что сейчас пойду чудесным лесом. Напиток, который дал мне Иллофиллион, сделал меня малочувствительным к жаре. Мне хотелось побыть одному и подумать обо всём пережитом за эти дни. Но возвратился Бронский и, узнав, что я иду в незнакомое ему место, так умоляюще посмотрел на Иллофиллиона, что тот рассмеялся и, лукаво посмотрев на меня, сказал:

— Там у Лёвушки завелась зазнобушка, Алдаз! Если он решится на самопожертвование и возьмёт вас туда с собой, я буду рад. Для вас там найдётся много интересного, на что можно посмотреть.

— Лёвушка, я буду нем, как пень, услужлив, как раб, благодарен, как ребёнок. Возьмите меня.

Я даже подавился от смеха, такое необычайное выражение, вернее, целая гамма сменяющихся выражений промелькнула на его лице. Он выпрямился и громовым голосом, точно клятву на мече, выговорил:

— Буду нем, как пень. — Потом согнулся, точно весь сузился, точь-в-точь льстивый раб, и сахарным голосом произнёс: — Услужлив, как раб.

И вдруг, широко улыбнувшись, распустил все складки лица, только что сморщенного и подлизывающегося, и ясным, детским голосом, наивно глядя мне в глаза, очаровательно шепелявя, сказал:

— Благодарен, как ребёнок.

Всё это было для меня так неожиданно, что я, разумеется, всё на свете забыл, бросился ему на шею и заявил, что теперь понимаю, почему он покори́л мир.

Всё ещё смеясь, мы пустились в путь к сестре Александре. Я хорошо запомнил дорогу, и, хотя Бронский был таким увлекательным собеседником, что легко можно было впасть в рассеянность, я чувствовал себя вдвойне ответственным и перед Иллофилионом, и перед моим новым знакомым, в котором так многое меня пленяло, и потому был всё время настороже и не перепутал ни одного поворота.

Макса ещё спал, а сестра Алдаз на ломаном русском языке, который едва можно было понять, с помощью жестов и мимики своего прелестного личика старалась объяснить мне, что бедный Макса очень страдает. Я обещал передать это Иллофилиону и прибежать ещё раз к ней, если Иллофилион даст для больного что-либо облегчающее.

Мы повидали сестру Александру, и она познакомила нас с сиделкой, которой она поручила ухаживать за Игорю; вместе с ней мы поспешили обратно. Во время моего разговора с Алдаз Бронский не спускал с неё глаз, и лицо его выражало нескрываемое восхищение. Взглянув на него после того, как мы вошли в лес, где я снова ожидал услышать его увлекательные рассказы, я увидел печальное, углублённое в себя лицо совсем нового человека. С ним произошла полная метаморфоза. На лице его отражалось какое-то мудрое спокойствие, нечто похожее на то выражение, которое я часто подмечал на лице брата Николая. Но на лице Бронского эта мудрость носила сейчас печать скорби.

Его высокий лоб прорезала морщина, глаза точно не видели ничего окружающего, губы были плотно сжаты, как будто бы он решал новую, внезапно вставшую перед ним проблему. Я не посмел нарушить его сосредоточенности и даже старался идти медленно и бесшумно, чтобы не мешать его мыслям.

Я представлял себе, что именно таким мудрецом бывает Бронский, когда обдумывает наедине свои роли. Уже почти на опушке леса он вдруг глубоко вздохнул, провёл рукой по лицу и волосам и улыбнулся мне.

— Я так далеко был сейчас, Лёвушка. Иногда моя фантазия уносит меня от действительности, я впадаю в какую-то прострацию и рисую себе прошлое тех образов или людей, которых мне надо изобразить на сцене, или же тех живых людей, которые произвели на меня глубокое впечатление. Прав я или нет в своих сценических образах, — о том судить людям, так или иначе воспринимающим созданные мною образы. Но самое странное в игре моего воображения — это то, что в реальном прошлом живых людей, если только они меня целиком захватили, я никогда до сих пор не ошибался. Не знаю сам, как и почему, но я читаю их прошлое совершенно ясно, как ряд мелькающих передо мной картин. Сейчас весь внешний вид и мимика этой вашей очаровательной приятельницы Алдаз так меня пленили, что я впал в это состояние прострации и увидел много-много картин из её прошлого. Я увидел сначала малютку-индианку, спящую в мешке за спиной у матери — индианки с тёмно-красной кожей. Рядом с ней шёл отец девочки, неся на спине мешок с тяжёлым грузом. Потом я увидел ту же мать уже с девочкой-подростком, оплакивающими убитого отца. Дальше: высокий, страшно высокий красавец на коне подобрал обеих несчастных, сидевших в отчаянии ночью у костра. Потом я увидел мать и дочь с караваном верблюдов, пересекающих пустыню, затем — нечто вроде школы, где я увидел Алдаз уже одну, лет тринадцати, и наконец, больницу, где Алдаз давала лекарство какому-то старику. Меня поразила жизнь этой юной девушки, такая безрадостная, монотонная, протекающая в лесах и дебрях, а ведь у неё ярчайший мимический талант. Судя по её движениям, необычайно пластичной походке и пропорциональности сложения, она должна танцевать как богиня, восхищать людей и пробуждать в них самое высокое и светлое чувство восторга. А она прозябает в глуши. Даже в древности, и то она проявила бы свой талант в обществе, была бы жрицей,

танцовщицей в каком-нибудь храме. Вот о чём я думал, и, как всегда, судьбы людей и их неопиcуемая сказочность потрясли меня и на этот раз. Надо же было в глухом лесном уголке появиться рыцарю и спасти мать и дочь, уже смиренно приготовившихся быть растерзанными дикими зверями! И для чего же он их спас? Чтобы гениальный дар девочки погиб у коек больных!

Я стоял, разинув рот, у опушки леса, смотрел на Бронского и раздумывал, кто из нас помешанный, не замечая того, что сестра милосердия, шедшая с нами — тоже туземка, не понимающая русского языка, на котором мы с Бронским говорили, — выражала все признаки нетерпения. Должно быть, потеряв его окончательно, она мне сказала на плохом английском языке:

— Скоро, скоро, господин, вперёд, Доктор меня ждёт.

Я извинился перед нею и бросился вперёд с такой быстротой, что мои спутники еле поспевали за мной. Доставив к Кастанде сестру и Бронского, я поспешил к Иллофиллиону. Конечно, я сейчас снова ворвался бы к нему с ещё большим темпераментом, чем в первый раз, но, к счастью, встретил его у площадки лестницы шедшим мне навстречу. Он, очевидно, намеревался сказать мне что-то другое, но, увидев моё лицо, спросил:

— Что с тобой приключилось, друг?

— Пойдёмте в вашу комнату, Иллофиллион, мне необходимо вам кое-что сказать. Вы знаете, что Бронский колдун? Он может читать прошлое людей. Иллофиллион, миленький, вы можете знать, кем и чем был человек до встречи с вами?

Я торопился, говорил сбивчиво, с очень серьёзным видом, и всё же не мог не заметить, каким юмором светились глаза Иллофиллиона. Он привёл меня в себя, и я рассказал ему всё, что говорил мне Бронский, в том числе и то, как он прочёл прошлое Алдаз.

— Как бы я хотел узнать, правду ли видел Бронский насчёт жизни Алдаз. Иллофиллион, дорогой, можете ли вы это узнать?! — Я спрашивал, горя нетерпением, и никак не мог понять, как это Иллофиллион может спокойно сидеть, когда я ему передаю такие потрясающие вести.

— Я думаю, что тебе проще всего узнать самому, Лёвушка, правдиво ли Бронский описал тебе прошлое сестры Алдаз.

— Как же это? Сколько бы я ни старался, я ещё ни разу не видел никаких картин. Или вы думаете, что я должен очень сильно думать о Флорентийце и спросить его? — выпалил я, снова впадая в азарт желаний узнать истину или убедиться, что Бронский просто маньяк, одержимый определённым пунктиком.

Иллофиллион засмеялся и, поглаживая меня по голове, что помогло мне мгновенно прийти в себя, сказал:

— Экое ты дитя малое, Лёвушка. Неужели я мог бы посоветовать тебе беспокоить твоего великого друга такими мелкими делами. Это всё равно, что обращаться к нему с вопросами, как тебе научиться правильно завязывать сандалии или ставить на их подошвы заплаты. Я имел в виду самое простое, ничуть не превышающее твоих сил дело, — всё так же ласково поглаживая мою голову и улыбаясь, говорил мне обожаемый, снисходительный друг. — Ты сам спроси Алдаз, когда вечером, после чая, мы пойдём накладывать Максе новые повязки. Кстати, возьми эту сумку, здесь всё, что нам будет необходимо при вечернем обходе. А теперь пойдёшь прими душ и приляг отдохнуть в своей комнате. Ты так бежал, что тебе необходимо прийти в себя. Если, вернувшись сюда через полчаса, я найду тебя в спокойном состоянии, мы пойдём в комнату Али, и я дам тебе книги для первоначального знакомства с языком пали.

— О, Иллофиллион, какой же вы добрый! Я опять проштрафился, а вы мне даже выговора не сделали. Можете не сомневаться, вы найдёте меня совершенно спокойным денди!

— Смотри, вот тут-то и не проштрафься, — улыбнулся мне на прощание Иллофиллион.

Я и не заметил, какой пылью я оказался покрытым после дороги. Даже на блестящем полу я оставлял пыльные следы. С помощью Яссы я привёл себя в порядок, убрал комнату Иллофиллиона и стал поджидать моего друга, который немало задерживался.

Образ Бронского снова встал передо мной, и нарисованные им в лесу картины оживали в моей фантазии. Мне

так и представлялся высоченный рыцарь с чёрной бородой, подхватывающий мать и дитя в своё седло в страшном, темнеющем лесу. Так как я никогда не видел живого рыцаря, а образ высоченного черноволосого человека жил в моей душе только один, то я связал картину Бронского с личностью Али.

Как хорошо всё укладывалось дальше в моей поэтической фантазии! Али подобрал несчастных мать и дочь и со своим караваном переправил их в Общину, где Алдаз и поступила в школу. Образ Али завладел мною. Я уже готов был мысленно позвать его и спросить, не подбирал ли он на дороге двух сирот, как дверь открылась и Иллофилион окликнул меня.

— Я теперь знаю, кто был тот всадник, спасший Алдаз. Это был, конечно, Али. И дальше всё складно выходит, — не дав опомниться Иллофилиону, бросился я к нему.

— Али или не Али спас Алдаз — это не так важно. Но то, что ты всё же не проникся достаточным вниманием к моим словам и хотел беспокоить Али по пустякам, — это нехорошо. Делать сейчас такую печальную мину и огорчаться не следует, но обрати внимание на две вещи: ни одного лишнего слова не говори, пока окончательно не обдумаешь то, о чём хочешь говорить или просить. Это одно. Второе: если я дал тебе задачу, а я сказал, что мы пойдём в комнату Али учиться, надо было приготовить себя, привести в себе всё в равновесие, чтобы твоё рабочее место оказалось в гармонии со всеми твоими творческими способностями. Мы пойдём в комнату великого мудреца, милосердие которого равно его мудрости. Милосердие его к тебе огромно. А твоё внимание, вообще очень ограниченное, собрано ли оно сейчас? Очистил ли ты его от мелких мыслей суеты? Проникся ли ты великой радостью служить когда-нибудь человеку благодаря тем знаниям, которые тебе решил открыть Али, посылая тебя сюда?

Только тогда ты можешь встретиться с Али и Флорентийцем и стать сотрудником в общей с ними работе, когда научишься входить в полную сосредоточенность. Тогда ты разделишь их труд и будешь полезен в их работе всем тем, кто тебя окружает. Ты проникнешь в их творческий путь на-

столько, насколько твоя верность им будет связывать тебя постоянно, легко и просто, с ними и с их путём любви к человеку. Ты здесь присутствуешь не только для того, чтобы обновить свой организм в течение нескольких лет и снова уйти в труд, через который будешь расточать перлы своего гения в утешение и помощь людям. Ты здесь гость Вечности, в Ней ты здесь встречен, с Нею уйдёшь. И каждый день твоей жизни — день дежурства у черты Вечности. Не в Общине ты «погостил» и не из неё уйдёшь, — здесь *весь смысл* твоего существования. Ты из Вечности пришёл, в Ней живёшь в форме временного Лёвушки на земле и к Ней уйдёшь, но уйдёшь, обогащённый новым опытом, с открытыми глазами, постигая путь к совершенствованию и зная, как работать над собой, чтобы добиваться духовной освобождённости. Ты увидишь здесь многих гениев, узнаешь особый путь их жизни на земле. Ты узнаешь здесь ещё больше простых людей, в которых раскрываются лишь некоторые черты их талантов. Тяжкий или лёгкий путь, которым они следуют, зависит лишь от того количества предрассудков и личных слабостей, которые им удаётся с себя сбросить, то есть всё определяется тем, насколько они сумеют освободить заключённую в них Вечность от условностей.

Всё это говорил мне Иллофиллион, пока мы шли на остров Али, где нас снова встретили сторож и белый павлин. Поднимаясь в комнату Али, я был полон благоговения и благодарности к моему дорогому наставнику. Как-то особенно чётко ложилось сегодня мне на сердце каждое его слово. И в первый раз я не испытывал никаких сомнений и сожалений о собственной малости и неспособности, легко и просто подходя к книжным шкафам.

Иллофиллион тронул какую-то кнопку, и стенка раздвинулась, открывая за собою ещё ряд белых полок, полных книг. И каких только книг здесь не было! Иллофиллион вынул три небольшие книги, очень старинного вида, снова нажал невидимую мне кнопку, стенка сдвинулась, и я даже не мог различить, где она только что раскрывалась.

Подойдя к письменному столу Али, Иллофиллион раскрыл его куполообразную крышку из пальмового дерева, избра-

жавшую два больших листа латании¹. Он усадил меня за стол, сел рядом и стал объяснять мне написание и произношение букв языка пали. Мне всё казалось очень трудным, так как я вообще не знал ни одного восточного языка, и потому первые слова незнакомого языка, такого чуждого мне, озадачили меня.

Но преподавательский талант моего мудрого Учителя был на такой высоте, что, когда ударил первый гонг к обеду, я уже мог свободно читать и произносить некоторые слова. Иллофиллион показал мне, как закрывать и открывать стол, задал мне урок к следующему дню, и мы спустились в парк, в обеденную столовую.

Первое, на кого я обратил внимание, когда мы вошли в столовую, была Андреева, беседовавшая с каким-то стариком на непонятном мне языке. Судя по интонациям, я понял, что она на чём-то настаивает, а старик не поддаётся и в свою очередь пытается её убедить. Сидевший рядом Ольденкотт, очевидно, тоже не понимал этого языка и, когда мы вошли, беспомощно посмотрел на Иллофиллиона, как бы прося его вмешаться в их разговор. Но Иллофиллион, взяв меня под руку, поклонился им и прошёл прямо к нашим местам.

Постепенно столовая наполнилась, заняли свои места и Бронский с художницей. Снова я заметил среди присутствующих несколько особенно интересных лиц, но никак не мог охватить взглядом всех, кто сидел за столами.

— Не спеши узнать всех сразу, Лёвушка, постепенно ты познакомишься со всеми. Многих ты сможешь увидеть поближе завтра у Аннинова. А сейчас — я вижу, как тебя это интересует — я тебе объясню, о чём спорит Наталия Владимировна. Ей хочется посмотреть на развалины одного очень и очень древнего города. Со свойственным ей темпераментом она готова немедленно двинуться в путь, а старик-проводник отказывается ехать туда прямо сейчас, уверяя, что в данную минуту это опасно. Пути туда почти восемь суток по знойной, безводной пустыне или же через глухие топки джунгли, где

¹ Латания — разновидность пальмы. — *Прим. ред.*

много диких зверей и змей. Надо выждать. Недели через три туда пойдёт караван, и можно будет, присоединившись к нему, проехать безопасно.

Лицо Андреевой показалось мне сейчас бурным ураганом. Ольденкотт несколько раз вздохнул и что-то тихо сказал своей соседке. Та рассмеялась, посмотрела на меня и сказала довольно громко мне через стол:

— Я собираю компанию бесстрашных людей, любящих путешествовать в пустыне. Не хотите ли поехать с нами, чтобы осмотреть один интереснейший древний город, вернее, его развалины? Говорят, днём они мертвы, но с закатом солнца на этих развалинах появляются тигры, львы, шакалы и обезьяны в таком количестве, что всё вокруг буквально кишит ими.

Я пришёл было в ужас, но потом решил, что надо мной смеются, и ответил в тон её насмешке:

— Мне не особенно хочется превратиться в уголь, пока я буду ехать по пустыне, и ещё меньше мне хочется провести ночь в приятной компании тигров и львов. Я ещё не успел завести себе заклинателя, а без него, пожалуй, не обойтись в таком почтенном обществе.

Андреева рассмеялась и сказала что-то старику-проводнику. Тот послал мне восточное приветствие. Я вспомнил пир у Али. Приподнявшись, я отдал ему восточный поклон. Проводник, с лицом, до черноты сожжённым солнцем, в белом тюрбане и бурнусе, был своеобразно красив. Седая борода делала его похожим на пророка. Посмотрев на меня пронзительными чёрными глазами, он быстро что-то сказал Иллофиллиону. Тот улыбнулся, кивнул головой и перевёл мне по-английски слова араба:

— Зейхед-оглы просит тебя принять его сердечный привет и говорит, что видит твой далёкий путь. Но путь этот будет ещё не скоро и вовсе не в пустыню, а к людям. Он просит тебя принять от него в подарок маленького белого павлина, заблудившегося в лесу, которого он подобрал по дороге.

Я был в полном восторге. Иметь собственного белого павлина! Но что мне ответить, я не знал, так как отлично помнил, что за преподнесённый подарок, по восточному обычаю, надо

было отблагодарить ответным подарком, у меня же ничего не было.

— Поблагодари и согласишься, — шепнул мне Иллофиллион.

Я с большим удовольствием исполнил совет Иллофиллиона и почувствовал себя счастливым обладателем сокровища. Но Андреева решила не давать мне спокойно наслаждаться моим инстинктом собственника.

— На груди у вас сквозь полотно сверкает камень. И цены ему нет, и красоты он сказочной, и подлинная его значимость даже не понятна вам, — бросала она мне, точно дрова рубила, говоря на этот раз по-русски. — Носите сокровище, за которое отданы сотни жизней, и ещё сотни были бы отданы, лишь бы его достать. И ему вы не радуетесь, а радуетесь глупой птице!

Глаза её сверкали. Блеск их, мне казалось, достигал самого камня на моей груди. Её взгляд был мне очень тягостен. Я закрыл плотнее свою одежду, прикрыл камень рукой и прижал его к сердцу, благоговейно моля Флорентийца научить меня лучше защищать его сокровище и суметь сохранить его до той самой минуты, когда мы с ним увидимся и я возвращу ему камень, который когда-то у него украли. И вдруг я услышал дивный голос моего великого друга:

✱ — Будь уверен и спокоен. Всюду, где ты идёшь в чистоте, иду и я с тобою. Осязай в своём пульсе биение моего сердца.
✱ Есть много путей знания, но верность у всех одна. Распознавай во встречаемых их скрытое величие и не суди их по видимым несовершенным качествам. Оберегай мой камень, ибо он не одному тебе защита.

Мгновенно спокойствие сошло в мою душу, я радостно взглянул на Андрееву, с которой произошло что-то мне непонятное. Она побледнела, вздрогнула, склонила голову на грудь и точно замерла в позе кающегося. Я посмотрел на Иллофиллиона. Он был серьёзен, даже строг, и пристально смотрел на Андрееву. Когда та подняла наконец голову, он сказал ей очень тихо, но я уверен, что она слышала всё до слова:

— Стремясь пробудить в другом энергию и силу, надо уметь держать в повиновении свои собственные силы. Даже в шутку нельзя касаться того, о чём сам не знаешь всего до

конца. Обратный удар может быть смертелен. И если он не оказался таким для вас сейчас, то только потому, что я его принял на себя.

Вокруг нас, где шёл общий и часто перекрёстный разговор, никто не заметил этой маленькой сценки. Да и вообще все так привыкли к эксцентричной манере Наталии Владимировны и говорить, и шутить, что её словам никто не придал особого значения. Я же, хотя и не понимал всего до конца, всё же сознавал, что в словах Иллофиллиона таилось нечто очень значительное для Андреевой.

Её несколько презрительный тон, когда она возмутилась моею ребяческой радостью из-за подаренного мне белого павлина, огорчил меня. Я подумал, что совершенно невольно ввёл её в раздражение. И в то же время я вспомнил слова сэра Уоми, что каждый вступающий на путь Знания должен стараться говорить так, чтобы ни одно его слово не язвило и не жалило.

Я ещё раз прижал к груди камень, подумал о словах из письма Али: «Всё, чего должен достичь человек, — это научиться начинать и заканчивать каждую встречу в мире, доброте и милосердии», — и решил очень строго следить за собою сейчас, чтобы сказанное мне другими, — каким бы тоном оно ни было сказано, — не вызывало во мне горести или раздражения.

Во время обеда седой проводник несколько раз взглядывал на меня, и я читал в его глазах огромное дружелюбие по отношению ко мне. Андреева сидела, опустив глаза вниз, была бледна и молча слушала, что говорили её соседи, изредка кивая головой. Мне казалось, что в ней происходит что-то особенное, для неё очень тяжёлое, что она пытается скрыть.

Бронский снова был обаятельным собеседником, но всё же я подмечал в его лице тревогу. Только спокойный взгляд Иллофиллиона, казалось, вливал в него уверенность каждый раз, когда взгляд его встречался со взглядом артиста.

После обеда Иллофиллион предложил мне пойти в комнату Али и приготовить заданный на завтра урок, что я с восторгом принял. Бронскому Иллофиллион разрешил до чая провести время у постели больного друга, а Альвера Черджи-

стона позвал в свою комнату, от чего лицо молодого человека засияло.

Старый араб-проводник подошёл к Иллофиллиону и, глядя на меня, что-то стал быстро говорить, чему Иллофиллион смеялся. Ещё раз я пообещал себе с наивысшим прилежанием изучать языки Востока. Мне Иллофиллион сказал только, что после чая араб принесёт обещанного молодого павлина и объяснит, как за ним ухаживать и чем кормить.

В самом счастливом настроении я отправился учиться. Как обычно, и сторож, и его павлин встретили меня гостеприимными поклонами. Мне хотелось спросить сторожа, как зовут его и его чудесного павлина, но я был похож на того слугу из притчи, который вытирает пыль с драгоценных книг, не понимая языка, на котором они написаны. Для слуги книги были мертвы, а здесь передо мною были живые существа, но я не мог произнести ни одного понятного им слова.

Я стоял перед слугою с довольно растерянным видом. На лице его мелькнула улыбка, он похлопал меня по плечу, показал на свои уши и рот, и я понял, что он глухонемой. Теперь мне стало ясно, почему он всегда пристально смотрел на рот говорящего с ним человека. Слуга ещё шире улыбнулся, погладил павлина по его прелестной шейке, затем постучал по своему лбу, показал на лоб павлина, важно покачал головой, развёл руками, и я понял, что он объясняет мне, как необыкновенно умён и понятлив его павлин.

Пока я разбирался в заданном мне уроке, мне всё казалось необыкновенно трудным. Но как только я усвоил его — мне захотелось учиться всё больше и больше. Язык становился приятным и понятным, и чем дольше я сидел над его изучением, тем большая радость меня охватывала. Забыв обо всём, я пропустил гонг, не слыша даже, как вошёл в комнату Иллофиллион, и очнулся только от его руки, коснувшейся моего плеча.

— Я так и знал, братишка, что за тобой надо зайти, иначе ты обо всём забудешь. — Мой наставник, смеясь, безжалостно захлопнул книгу, закрыл стол и вывел меня из комнаты. — Как бы ни спешил ты выполнить данную тебе или взятую на себя задачу — всё то, что тебя окружает и с чем ты связан,

должно быть тобою уважаемо. Пицца ждать тебя не может. И человек, обещавший принести тебе подарок, должен найти тебя ожидающим его. Говорят: «Точность — вежливость королей». Для ученика его самодисциплина — высшая точность в поступках и словах, высшая вежливость по отношению к тем, с кем он встретился. Живой человек — твоя первая задача всюду. Он для тебя самое важное, ибо в нём — цель действий твоих Учителей. Запомни это, Лёвушка, и охраняй всю свою внешнюю аккуратность не менее внутренней.

Мы быстро пошли в столовую парком, где стоял сильный зной, совсем незаметный в комнате Али. Когда мы кончили пить чай в гроте, на пороге его появился мой новый друг, араб, закутанный с ног до головы в белый бурнус, под складками которого он нёс прелестную корзинку из пальмовых листьев, в которой было устроено гнездо. В гнезде сидел маленький и очень несчастный на вид белый павлин. Но я никогда бы не признал в этом длинношеем, почти неоперившемся птенце, жалком и безобразном с виду, будущего царя птичьей красоты.

Араб поклонился мне и подал корзинку. Я залюбовался красотой необычайно сложного и искусного плетения на корзине и, должно быть, чересчур резко повернул её. Птенец жалобно пискнул, и этот слабенький звук сжал моё сердце какой-то неожиданной для меня самой скорбью. Я пожалел бедняжку-птенчика, которого потревожил так неосторожно. Я не знал, как его приласкать и чем загладить свою вину перед ним. Я был так же беспомощен перед ним в качестве его воспитателя, как он передо мной в своей беззащитности. Я уже готов был возвратить хозяину его подарок, как он сказал мне на очень плохом, но вполне понятном французском языке:

— Вы не смущайтесь, ага, всякое дело сложно, пока не поймёшь, как им овладеть. Я вам и корм для него приготовил, и расскажу всё: как его поить, и как водить гулять, и как ему спать. Он, видите ли, уже привык ко мне и жалуется, зачем я отдаю его другому. Эти птицы так понятливы, что и не каждому человеку чета. Вот я ему сейчас объясню, что вы его настоящий хозяин, а вы дайте ему покушать вот этой кашицы

с вашей ладони, и он будет определённо знать вас как своего единственного хозяина.

Араб осторожно вынул птенца из корзинки, поставил его на широчайшую ладонь своей левой руки, а пальцами правой с нежностью матери погладил почти голую головку птенчика и потом передал его мне, посадив его на мою левую ладонь, где он едва поместился.

Преуморительно, с какой-то важностью посмотрел на араба птенчик; клюнул мою ладонь, где уже лежала положенная арабом каша, потом поднял голову, посмотрел на меня, ещё поклевал и пискнул. Но писк этот был уже не жалобный, а весёлый, точно он совсем примирился с новым хозяином.

Араб посоветовал мне положить птенца снова в корзинку и прикрыть пуховым платочком, который он вынул из своего бурнуса, так как, несмотря на жару, птенцу было холодно и он дрожал. Я сердечно поблагодарил араба за его подарок и высказал ему моё сожаление, что не знаю, чем его отблагодарить.

— Это не уйдет. Вот на будущий год вы поедете осматривать пустыню, возьмите меня в проводники и заезжайте в мой дом передохнуть. Мой дом в оазисе, пути два дня пустыней.

Я ещё раз поблагодарил его, пожал ему руку и в обществе Альвера, Бронского и художницы Скальради, восхищавшихся моей птицей не меньше меня, понёс павлина в свою комнату. Через некоторое время к нам присоединились Иллофилион и араб, и старик стал давать мне полное наставление по поводу того, как ухаживать за птицей.

— Вы знаете, друг, — сказал арабу Бронский, — ваши наставления, конечно, очень замечательны и доказывают вашу любовь к птицам, но они не менее сложны, чем если бы дело касалось человеческого, а не птичьего детёныша. Мне думается, что Лёвушке одному не справиться, пока птенец так мал. Нельзя ли мне принять участие в уходе за птенчиком? Мне бы это было так приятно, а Лёвушку бы немного раскрепостило.

На лице араба мелькнула улыбка.

— Через несколько коротких минут и вы, и Лёвушка узнаете кое-что о некоторых из этих птиц. Тогда вы оба поймёте, почему они так по-человечески сообразительны и почему за ними должен быть особенно тщательный уход. Я думаю, если доктор Иллофиллион разрешит, вам будет очень полезно наблюдать жизнь птенца. Вы добры и чисты, птенцу вы будете милы. При таком друге он скорее разовьёт свои таланты.

Араб ещё раз улыбнулся, протянул Бронскому руку, а потом подал ему небольшой тёмный камень, вынув его из маленького кожаного мешочка.

— Это змеиный камень. Это амулет от укуса змей. Он останавливает кровоточивость ран, заживает их быстро и спасает от смерти при укусе кобры. Но если его прикладывать к ранам от укуса змей, то силы его хватит только на четыре раза. После этого он теряет всякую силу и не годен больше ни для каких целей. Возьмите его в память обо мне. Он вам вскоре пригодится.

Бронский своею беспомощной растерянностью напомнил мне моего беспомощного птенца. Я залился смехом, так комично показалось мне это сопоставление.

— Берите, Станислав Николаевич. Будем вместе обязаны аге Зейхед-оглы. Авошь надумаем, как его отблагодарить.

Тут Бронский выкинул такое антраша, что я чуть не выронил мою корзину из рук. Я ещё не успел договорить фразу, как Бронский обеими руками обнял могучую шею араба, целовал его тёмное лицо и стал говорить что-то так быстро, точно читал псалтырь, как плохой дьячок, торопящийся поскорее отбарабанить надоевшую ему службу. Но, несомненно, в скороговорке Бронского был какой-то большой смысл, который араб отлично понимал, потому что весело смеялся и отвечал кивками головы на упрашивания Бронского. Артист вдруг пулей вылетел из комнаты, оставив даже дверь нараспашку. Ну, как же тут было не словиворонить. Я был так озадачен, что счёл за лучшее сесть и поставить птенца на пол.

Глаза араба смотрели на меня с нескрываемым юмором. Иллофиллион тоже поблескивал глазами и хранил могильное молчание. И только один Альвер мог служить мне утешением, ибо был мне под пару. Разинув рот, он стоял точь-в-точь